

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

9.2

3 выпуска в год на 17 языках

Разговор о социологии
с Нандини Сундар

Йоханна Грубнер

Трансформации
и альтернативы

Мэтт Доусон
Райнер Риллинг
Матео Мартинес Абарка
Абделькадер Латреш
Тереза Перес
Кристофер Мабеза

Памяти
Эрика Олина Райта

Майкл Буравой
Мишель Уильямс

Гендер и социальное
неравенство

Биргит Риграф
Лина Абирафех
Кадри Аавик
Лииса Хусу
Бланка Ныклова
Маргарет Абрахам
Никола Пайпер
Джефф Хирн

Социология
(Южной) Африки

Джереми Сикингс
Моконг С. Мападименг
Асанда Бенья
Табанг Сефалафала
Марк Вегериф
Джабусиле Мадьязвимбиши Шумба
Алексия Вебстер
Эдвард Вебстер

Открытый раздел

> Правый популизм и идея солидарности

ЖУРНАЛ

International
Sociological
Association
isa

ТОМ 9 / ВЫПУСК 2 / АВГУСТ 2019
<http://globaldialogue.isa-sociology.org/>

ГД

> От редакторов

Социологи не только ведут обширные дискуссии в рамках своей дисциплины, но и вступают в различные публичные дебаты. Нандини Сундар, известная социальная исследовательница и общественная активистка из Индии, последние десять лет выступает с критикой жестких границ между научной деятельностью и активизмом, участвуя в политических акциях, направленных на борьбу с социальной несправедливостью в Индии. Данный номер «Глобального диалога» открывает интервью с Сундар. Исследовательница рассказывает о начале так называемой войны в Бастаре и о нынешней ситуации в этом округе Индии, а также делится размышлениями о том, как сложно быть хорошим учёным и активистом в век постоянной гонки и конкуренции.

Наш первый симпозиум «Трансформации и альтернативы» открывают два текста, представляющие историческую ретроспективу социологических рассуждений об альтернативном обществе и возможном будущем. Авторы статей утверждают, что обсуждение проектов желаемого будущего необходимо для того, чтобы связать социологическую критику с освободительными идеями. В тексте автора из Латинской Америки освещается политическая борьба за общество солидарности и роль, которую играют в этом процесс такие концепции, как *Buen Vivir* и им подобные. Автор из Катара сравнивает возможные варианты будущего арабского мира. Статьи из ЮАР и Зимбабве повествуют об эмпирических исследованиях, посвящённых стратегиям совладания с крупными жизненными переменами (в данном случае обусловленными изменением климата) и возможным барьерам на пути желаемых политических изменений.

В январе 2019 умер Эрик Олин Райт — учёный, глубоко преданный идеям равенства, свободы и сообщества. Его труды о классе, Марксе и «реальных утопиях» вдохновляли не только коллег-социологов во всём мире, но и активистов, борющихся за справедливость и демократию. Два близких друга Эрика Олина Райта из разных концов мира выражают признательность его профессиональной деятельности и рассказывают о его вкладе в социологию.

Для второго симпозиума данного выпуска Биргит Риграф, Лина Абирафех и Кадри Аавик пригласили учёных из разных стран, исследующих связь между гендером и социальным не-

равенством. В статьях рассматриваются такие вопросы, как гендерное неравенство в области финансирования исследований в Европе и Скандинавии, статус-кво и судьба гендерных исследований в Чехии, тенденции гендерного неравенства в Арабском регионе, а также гендерно-дифференцированный труд в Азиатских странах. Данные тексты обогащают дебаты о социальном прогрессе и реакционных тенденциях, связанных с гендерным неравенством. Статьи инициируют дискуссию о конкретных решениях, которые может предложить социологическая дисциплина для достижения равенства и социальной справедливости. Авторы подчёркивают необходимость социальных действий и призывают продолжать борьбу за гендерное равенство, прокладывая путь к справедливому обществу.

В региональном фокусе этого номера оказалась южноафриканская социология. В первой статье соответствующего раздела рассматривается хроническая бедность и неравенство в ЮАР как предостережение для Африки в целом. Второй текст посвящён растущей популярности харизматических церквей в Южной Африке. Проблемы, связанные с этими организациями, все еще остаются за пределами внимания социологов. Ещё две статьи рассказывают о жизни шахтёров Южной Африки. В одной из них автор показывает, как риторика инклюзивности идёт вразрез с фактическим исключением женщин с определённых трудовых позиций. Другой текст представляет этнографическое исследование чёрных безработных, ранее трудившихся в шахтах, и отслеживает влияние безработицы на уверенность в себе и самоуважение. Статья о продовольственной системе Дар-эс-Салама даёт нам возможность взглянуть на жизнь рабочих Танзании. Ещё один текст посвящён истории государства Зимбабве, которое стало грабительским и продолжает быть таковым вследствие накопления ресурсов и работы механизмов политического воспроизводства. Завершается симпозиум прекрасным фото эссе Алексии и Эдварда Вебстеров, рассказывающим об истории Йоханнесбурга — города, построенного на золотых приисках.

Наконец, открытый раздел данного номера публикует статью, посвящённую солидарности в Европе эпохи правого популизма с фокусом на контексте Австрии и Венгрии. ■

Бригитте Ауленбахер и Клаус Дёрре,
редакторы «Глобального диалога»

> «Глобальный диалог» доступен на 17 языках на [сайте MCA](#).

> Присылайте статьи на адрес globaldialogue.isa@gmail.com.

isa International
Sociological
Association

**GLOBAL
DIALOGUE**

> Редакторский совет

Редакторы: Бригитте Ауленбахер, Клаус Дёрре.

Заместители редакторов: Йоханна Грубнер, Кристине Шикерт.

Младший редактор: Апарна Сундар.

Исполнительные редакторы: Лола Бусуттил, Август Бага.

Консультант: Майкл Буравой.

Медиаконсультант: Хуан Лехаррага.

Редакторы-консультанты:

Сари Ханафи, Джеффри Плейерс, Филомин Гутьеррес, Элоиза Мартин, Савако Ширахасэ, Изабела Барлинска, Това Бенски, Чи-Чжоу Джей Чэнь, Ян Фритц, Коичи Хасэгава, Хироши Ишида, Грэйс Кхуноу, Элисон Локонто, Сьюзан МакДэниел, Элина Оинас, Лаура Озо Казас, Бандана Пуржаяста, Рода Реддок, Мунир Сайдани, Айше Сактанбер, Сели Скалон, Назанин Шахроки.

Региональные редакторы

Арабский мир: Сари Ханафи, Сурайя Мулуджи Гарруджи, Фатима Разуани, Мунир Сайдани.

Аргентина: Алехандра Отаменди, Хуан Игнасио Пиовани, Пилар Пи Пуиг, Мартин Уртасун.

Бангладеш: Хабибул Хаке Хондкер, Хасан Махмуд, Джувель Рана, У. С. Рокья Ахтер, Туфика Султана, Асиф Бин Али, Хайрун Нахар, Кази Фадия Эша, Хелаль Уддин, Мухаймин Чаудхури, Мухаммед Юнус Али.

Бразилия: Густаво Танигути, Андреса Гальи, Лукас Амараль Оливейра, Бенно Варкен, Анжело Мартинс Жуниор, Дмитри Сербонсини Фернандес.

Индия: Рашми Джайн, Нидхи Бансал, Прагья Шарма, Маниш Ядав, Сандип Мил.

Индонезия: Каманто Сунарто, Хари Нугрохо, Лучия Ратих Кусумадеви, Фина Итрияи, Индера Ратна Иравати Паттинасарани, Бенедиктус Хари Джулиаван, Мохамед Шохибuddin, Домингус Эльчид Ли, Антониус Арио Сето Харджана, Диана Тереза Пакаси, Нуруль Айни, Гегер Риянто, Адитья Прадана Сетиади.

Иран: Рейханех Джавади, Нияеш Долати, Аббас Шахраби, Сайед Мухаммад Муталлеби, Вахид Ленджанзаде.

Казахстан: Айгуль Забирова, Баян Смагамбет, Адиль Родионов, Алмаш Тлеспаева, Куаныш Тель, Алмагуль Мусина, Акнур Иманкул.

Польша: Якуб Барщевский, Ивона Бояджиева, Катажина Дембская, Анна Дульны-Лещиньская, Кшиштоф Губаньский, Моника Хеляк, Сара Герчиньская, Юстына Кошиньская, Агата Кукла, Адам Мюллер, Вероника Пек, Зофия Пенза-Габлер, Джонатан Сквилл, Агнешка Шипульская, Александра Вагнер, Матеуш Войда.

Россия: Елена Здравомыслова, Анастасия Даур, Валентина Исаева.

Румыния: Косима Ругиниш, Раиса-Габриэла Замфиреску, Лучана Анэстэсоайе, Кристиан Кира, Диана Александра Думитреску, Раду Думитреску, Юлиан Габор, Дан Гытман, Александра Иримие-Ана, Кристиана Лотря, Йоана Мэлурия, Бьянка Михэйлэ, Андрея Элена Молдовяну, Оана-Элена Негря, Мьоара Параскив, Кодруц Пынзару, Сусана Мария Попа, Адриана Соходоляну, Мария Стойческу, Кэтэлин Варзари.

Тайвань: Чжин Мао Хо.

Турция: Гюль Чорбаджоглу, Ирмак Эврен.

Франция/Испания: Лола Бусуттил.

Япония: Сатоми Ямамото, Юко Масуи, Рихо Танака, Мариэ Ямамото, Сёго Ариёши, Кадзума Кавасаки, Саэ Кодама, Коки Коянаги, Тацухиро Охата, Сюндзи Сугихара, Рё Вакамацу.

Рефлексии о **трансформациях и альтернативах** существующего устройства общественной жизни всегда были частью социологического теоретизирования. Социологи также всегда проводили эмпирические исследования, посвященные социальным изменениям и трансформациям. Мы представляем теоретические и эмпирические исследования, посвященные этой тематике, проводимые в разных частях мира.

В глобальном масштабе доля женщин среди бедных и маргинализованных слоев населения остается очень большой. Статьи, представленные в этом разделе, освещают проблематику **гендера и неравенства** в различных социальных сферах — сфере занятости, государственной власти и в неолиберальной политике финансирования исследований.

В этом разделе представлены теоретические подходы и эмпирические **исследования социологов Южной Африки**, обсуждающих не только проблемы их собственного общества, но также Танзании, Зимбабве и всего Африканского континента. Фотоэссе, посвященное истории Йоханнесбурга, даёт визуальное представление об этом городе.

«Глобальный диалог» стал возможен благодаря щедрому гранту **SAGE Publications**.

> В номере

От редакторов **2**

> ГОВОРЯЩАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Горящие леса: интервью с Нандини Сундар
Йоханна Грубнер, Австрия **5**

> ТРАНСФОРМАЦИИ И АЛЬТЕРНАТИВЫ

Краткая история социологических альтернатив
Мэтт Доусон, Великобритания **8**

Создавая будущее
Райнер Риллинг, Германия **10**

Многоголосье *Buen Vivir*
Матео Мартинес Абарка, Мексика **12**

Другое будущее арабского мира
Абделькадер Латреш, Катар/Алжир **14**

Как стигма накладывает ограничения на политику:
сборщики мусора в Южной Африке
Тереза Перес, ЮАР **16**

Адаптация к климатическим изменениям:
мелкие фермеры в Зимбабве
Кристофер Мабеза, Зимбабве **18**

> ПАМЯТИ ЭРИКА ОЛИНА РАЙТА

Эрик Олин Райт: реальный утопист
Майкл Буравой, США **20**

Вспоминая Эрика Олина Райта
Мишель Уильямс, ЮАР **22**

> ГЕНДЕР И СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО

Соотношение пола и неравенства: введение
**Биргит Риграф, Германия, Лина Абирафех, Ливан,
Кадри Аавик, Финляндия** **23**

Гендерные проблемы в финансировании исследований
Лииса Хусу, Финляндия/Швеция **25**

Проблемы гендерного неравенства в Чешской Республике
Бланка Ныклова, Чехия **27**

Устойчивость и перемены: гендерное неравенство в США
Маргарет Абрахам, США **29**

Гендер и неравенство в арабском регионе
Лина Абирафех, Ливан **31**

Гендерно-дифференцированный труд и неравенство
в азиатском контексте
Никола Пайпер, Великобритания **33**

МПСП: социальный прогресс,
размышления о гендерной проблематике
Джефф Хирн, Финляндия/Швеция/Великобритания **35**

> СОЦИОЛОГИЯ (ЮЖНОЙ) АФРИКИ

Бедность и неравенство: Южная Африка
как предупреждение для всего континента
Джереми Сикингс, ЮАР **37**

Пятидесятничество и харизматическое христианство
в Южной Африке
Моконг С. Мападименг, ЮАР **39**

Космические захватчики: женщины-шахтёры под землёй
Асанда Бенья, ЮАР **41**

Внеэкономические последствия безработицы
Табанг Сефалафала, ЮАР **43**

Как накормить мир: учимся в Танзании
Марк С.А. Вегериф, ЮАР **45**

Хищническое государство Зимбабве:
партия, военные и бизнес
Джабусиле Мадьязвимбиши Шумба, Зимбабве **48**

Йози: прекарный Город Золота
Алексия Вебстер, Эдвард Вебстер, ЮАР **50**

> ОТКРЫТЫЙ РАЗДЕЛ

Правый популизм и идея солидарности
**Йорг Флеккер, Карина Альтрайтер, Иштван Грайчъяр,
Заския Шиндлер, Австрия** **55**

“Самое трудное в кризисные времена — помнить, что мы должны продолжать исследования. Иногда социологическая работа кажется личным проектом, который не приносит никакой пользы никому, кроме автора; иногда она кажется бессмысленной, особенно если это не новаторство, но в итоге нам платят за то, чтобы мы дали миру то приращение знания, которое мы можем дать”

Нандини Сундар

> Горящие леса

Интервью с Нандини Сундар

Нандини Сундар — профессор социологии Школы Экономики Университета Дели. В числе недавних публикаций *The Burning Forest: India's War in Bastar* (Juggernaut Press, 2016) [Горящий лес: Индийская война в Бастаре] и новое издание под названием *The Burning Forest: India's War Against the Maoists* (Verso, 2019) [Горящий лес: Индийская война против маоистов], коллективная монография под ред. проф. Сундар *The Scheduled Tribes and Their India* (OUP, 2016) [«Запланированные племена и их Индия»]; *Civil Wars in South Asia: State, Sovereignty, Development* (в соавторстве с Апарной Сундар, SAGE, 2014) [Гражданские войны в Южной Азии: государство, суверенитет, развитие]; *Inequality and Social Mobility in Post-Reform India* [Неравенство и социальная мобильность в пореформенной Индии, тематический выпуск журнала *Contemporary South Asia* (соредактор Равиндер Каур, 2016)]. Она также является автором монографии *Subalterns and Sovereigns: An Anthropological History of Bastar* (2-е изд, ред., 2007) [Субалтерны и Суверены: Антропологическая история Бастара]; соавтор монографии *Branching Out: Joint Forest Management in India* (2001) [Создавая филиалы: совместные проекты лесного управления в Индии]. Сундар редактировала сборник *Legal Grounds: Natural Resources, Identity and the Law in Jharkhand* (2009) [Правовые основания: Природные ресурсы, идентичность и право в штате Джарханд]; является соредактором *Anthropology in the East: The founders of Indian sociology and anthropology* (2007) [Антропология на Востоке: основатели индийской социологии и антропологии]. Сундар была главным редактором журнала *Contributions to Indian Sociology* с 2007 по 2011 год и является членом редакционного совета нескольких профессиональных журналов, членом правления исследовательских институтов и правительственных комитетов. В 2010 году она была удостоена ежегодной премии «Инфосис» в области социальных наук (по направлению социальной антропологии), а также стала лауреатом премии Эстер Бозеруп (*Ester Boserup Prize*) за исследования проблем развития в 2016 г. Получила награду *Malcolm Adiseshiah Award* за заслуги в исследовании развивающихся стран в 2017 году.

С 2005 года профессор Сундар занимается правозащитной деятельностью. В 2001 Верховный суд Индии отменил государственную поддержку вооруженной внесудебной расправы в результате разбирательства по делу Нандини Сундар против штата Чхаттисгарх. Она регулярно выступает в СМИ по правозащитной проблематике, её публикации можно найти на сайте <http://nandinisundar.blogspot.com>.

Ниже мы публикуем интервью с проф. Сундар, взятое **Йоханной Грубнер**, докторанткой Университета Йоганна Кеплера в Линце (Австрия), помощником редактора «Глобального диалога».

Нандини Сундар.

ЙГ: В своей крайне значимой книге *Subalterns and Sovereigns: An Anthropological History of Bastar* (1997) [Субалтерны и суверены: Антропологическая история Бастара] Вы анализируете историю Бастара в XIX и XX-м веках. Скажите, пожалуйста, что побудило Вас заняться этой темой и именно этим округом центральной Индии?

НС: Когда в конце 1980-х годов я начала работать над своей диссертацией на факультете антропологии Колумбийского университета, я находилась под сильным впечатлением работ таких марксистских историков, как Э. П. Томпсон и Э. Хобсбаум, а также антропологов Джунга Нэша и Уильяма Розберри, которые опирались на политэкономический анализ. В то время индийские ученые активно обсуждали субалтерную школу исторических исследований. Мне было понятно, что я хочу изучать колониальный период, экспансию капитала, крестьянские восстания и современные социальные

>>

движения, но я не имела представления, где и как это делать. В 1990 году я впервые приехала в Бастар, и мне показалось, что он подходит для полевой работы во всех отношениях. Для реализации исследовательского проекта нужно, чтобы место исследования обладало определенными характеристиками. В Бастаре я нашла все, что нужно: великодушных людей, динамичные общественные движения, протестное прошлое... и оказалось, что до того времени никто не занимался историей этого округа.

ЙГ: В своей последней книге *The Burning Forest: India's War Against the Maoists* [Горящий лес: Индийские войны против маоистов] Вы обсуждаете результаты своего продолжительного исследования и полевой работы в Бастаре. Опишите, пожалуйста, особенности социальных и политических конфликтов, которые пронизывают этот регион сегодня.

НС: В течение последнего столетия и даже дольше шла активная эксплуатация лесных и минеральных ресурсов центральной Индии. Этот процесс значительно интенсифицировался в начале XXI века. Крупные корпорации получают лицензии на добычу полезных ископаемых, происходит переселение и вытеснение местных сообществ, что вызывает экономический и социальный упадок в регионе. Люди сопротивлялись переселению, организовывая различные общественные движения. Одной из форм сопротивления в последние два десятилетия стало участие в подпольных действиях, организованных Коммунистической партией Индии (маоистской направленности). Правительственные операции по подавлению этих организаций повлекли за собой большое число неправовых действий, убийств, массовое распространение лагерей под эгидой служб безопасности и милитаризацию всего социального пейзажа. В настоящее время правительство и маоисты с одинаковым упорством используют военные методы; при этом обе стороны утверждают, что стремятся к диалогу и миру в интересах населения.

ЙГ: В книге вы ставите под сомнение статус и понимание демократии и демократических практик в Индии. Вы утверждаете, что «Индия представляет собой демократию со всеми присущими ей институциями (...), но понимание демократии может быть совсем не тем, которое мы ожидаем». Не могли бы Вы прояснить это суждение?

НС: Такие существенные элементы демократии, как выборы или социальная политика, часто используются для делегитимизации альтернативных форм протеста и образа жизни, которые не соответствуют государственному видению роста в условиях отсутствия работы. Эти модели образа жизни включают сосуществование с лесом и распространение ряда ремесленных производственных практик. Даже в «нормальные времена» электоральное представительство является проблематичным, поскольку многомерное структурное неравенство, которое лежит в основании функционирования демократии, например, огромные денежные суммы которые необходимы для электоральной борьбы, приводят к зависимости партий от большого бизнеса и способствуют распространению многообразных коррупционных практик. Однако во время конфликта или при подавлении протестов демократический аппарат часто используется в большей степени как инструмент подавления, нежели механизм представительства. Так,

например, людей вынуждают голосовать в целях легитимации существующего политического порядка, а партии и организации подвергаются селективному запрету. Сегодня в Индии значительные сегменты СМИ оказались кооптированными правыми политическими силами и функционируют как пропагандисты ненависти, выступающие под маской защиты национальных интересов. Такие демократические институты, как суды и административные власти, перерождаются. Демократическая политика — благодаря видимости разделения властей и массовой поддержки — функционирует как ограничение возможностей креативного обсуждения альтернатив.

ЙГ: Социально-политические конфликты в Бастаре вовлекают не только государство, но и различные политические и социальные группы, обладающие различной структурой и преследующие различные социальные и политические цели. Расскажите, пожалуйста, о концептуальной рамке своего теоретического подхода и о той эмпирической методологии, которую Вы считаете полезной для исследования этих различий.

НС: Теоретически я опираюсь на широко понимаемый марксистский подход. Однако в работе «Горящий лес» я стала представлять этнографию демократии, исследуя ожидания, которые люди связывают с процессами, и то, как различные институты, такие как СМИ, судебная система и политические партии, реагируют на эти процессы. Мы обнаруживаем взаимное конструирование безнаказанности и прекарности, а также выявляем способы, которыми люди обнаруживают волю к выживанию и борьбе. Выбор методов и конкретных исследовательских контекстов определялся в основном ситуативно. Поскольку я как правозащитница принимала сама активное участие в процессах, о которых писала, мне очень трудно было получить доступ в определённые пространства, например, к миру полиции или сил безопасности. Однако мне удалось исследовать подробно другие пространства, например, правовые процессы, связанные с защитой общественных интересов и правоприменение в этом отношении.

ЙГ: Как Вы думаете, насколько социологические полевые исследования, подобные проведенному Вами в округе Бастар, могут помочь выявить социальную структуру, лежащую в основе конфликта? Как Вылагаете, поможет ли Ваше исследование понять природу социального конфликта в целом, на более абстрактном уровне?

НС: То, что происходит в Бастаре, во многом напоминает то, что происходит в других местах, и особенно в ресурсно богатых районах, где проживает индигенное население. Я многому научилась, изучая литературу, посвященную латиноамериканским движениям и государственному насилию. В концептуализации индийского случая мне также помогли исследования подавления протестов — использования чрезвычайных мер в Британии и при стратегических переселениях в Британской Малайе, Вьетнаме и других странах.

Этот предмет можно изучать по-разному, и я могла бы написать, по крайней мере, три разных книги. Одну из них можно было бы посвятить внесудебным расправам и вопросам власти; индивидуальной ответственности и близко-

му покровительству власти в отношении таких действий. Другая монография фокусировалась бы на изучении законодательства и его изменчивому применению, а также тому, как правоприменение создает государство. А третью книгу я бы посвятила конфликтным эмоциям гражданской войны. Более того, в отличие от прекрасных социологических и антропологических работ, посвященных вооружённому левому протесту в Латинской Америке, у нас нет серьезных исследований маоистского движения в Индии, в которых бы анализировалось его влияние на распределение земельной собственности и местную аграрную политическую экономию. Я думаю, что нужно развивать исследования в этом направлении.

ЙГ: *Каковы, на Ваш взгляд, ответственность социальных наук и особенности социологии как научной дисциплины в тех ситуациях, когда нарушаются демократические принципы и базовые права человека?*

НС: Как граждане, социологи и преподаватели, мы несем множество обязательств, и сферы нашей ответственности многообразны. В некоторых ситуациях мы призваны обратиться к нашей гражданской роли — участвовать в демонстрации, подписать петицию, свидетельствовать в суде и проч. В другом контексте перевешивает наша ответственность перед студентами и коллегами, а жесткая хватка академической жизни препятствует вовлечению в другие виды деятельности. Самое трудное во времена кризиса — помнить, что мы должны продолжать проводить исследования. Иногда социологическое письмо представляется личным проектом, который никому не нужен, кроме самого автора. Иногда автор чувствует бессмысленность своей работы, особенно если она не воспринимается как прорыв или что-то из ряда вон выходящее. Однако, в конце концов, нам платят за то, чтобы мы добавили определенную толику к пониманию того мира, в котором живем. Сегодня во времена академической прекарности, важно постоянно напоминать себе, что иметь оплачиваемую работу — это привилегия, доступная далеко не всем социологам.

ЙГ: *Вас считают и ученым, и социальным активистом. Согласны ли Вы с таким мнением? Как бы Вы описали типичные отношения между миром науки и политики в Индии? Как сочетание этих ролей повлияло на Вашу работу?*

НС: Я всегда участвовала в различных проектах в защиту гражданских свобод, но только во время изучения Бастара в 2005 году я стала почти постоянным участником правозащитной деятельности. В 2007 году мы начали компанию в Верховном Суде против внесудебных расправ и государственных злодеяний. Я не могла себе представить, что

суды по этому вопросу продлятся до 2019 года. В 2011 мы добились судебного решения, запрещающего поддержку внесудебных расправ и предписывающего выплату компенсаций их жертвам. Однако государство отказалось выполнять эти предписания и поэтому мы до сих пор боремся за исполнение судебных решений. В 2016 году полиция штата Чхаттисгарх подала фальшивую карательную жалобу против шести правозащитников, включая меня, обвиняя нас в убийстве, ношении оружия, участии в вооруженных беспорядках и террористической деятельности (то есть в нарушении Закона против внеправовой деятельности). К счастью, мы добились отсрочки исполнения приговора и не были подвергнуты тюремному заключению, однако обвинения были сняты лишь в феврале 2019 года.

Постепенно мое активное участие сходило на нет, и уже другие люди продолжали работать над этой проблемой. Мне трудно быть хорошим ученым и хорошим активистом. И этому много причин, и, прежде всего, ограниченность ресурсов времени. С одной стороны, многие индийские социальные ученые вовлечены в ту или иную форму общественной активности, поскольку общественные проблемы очевидны и требуют решения. Однако есть и те, кто отрицательно относится к активизму, считая, что участие искажает объективную картину и мешает должному теоретизированию. При режиме Моди проблемой стало сохранение университета как академического пространства, поскольку семинары и воркшопы были запрещены, спикеры не приглашались, студенты обвинялись в подстрекательстве к мятежу и подвергались избиениям, а книги — и моя, в том числе, — изымались из списков литературы за их «антинационалистическое» содержание.

ЙГ: *Поскольку Ваша работа завоевала большое признание, я уверена, многие хотели бы знать о Ваших планах на будущее. Расскажите, пожалуйста, о планах Вашей общественной и научной деятельности на ближайшие годы.*

НС: Частично это зависит от политического будущего Индии и от того, как изменится отношение к университетам в дальнейшем. Я думаю о нескольких проектах, например, об изучении конституционного процесса в Индии, о вкладе студенческого движения в национальную политику. Но я еще не выбрала окончательно свою новую тему. Я бы хотела провести исследование на другом континенте, но не уверена, что это возможно. Это зависит также от того, удастся мне получить отпуск в университете, где я работаю, для проведения полевого исследования. Теперь это совсем не просто. ■

Адрес для связи: Нандини Сундар <nandinisundar@yahoo.com>

> Краткая история СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ альтернатив

Мэтт Доусон, Университет Глазго, Великобритания

Социология всегда занималась построением теорий об альтернативных способах организации общественной жизни. Фото: С. Duncan / Flickr. Некоторые права сохранены.

«**Т**ак какова же альтернатива?» Я не единственный социолог, к которому обращаются с вопросом о том, какие альтернативы может предложить социология для решения социальных проблем, которые она так детально описывает. Отчасти именно этот вопрос и неспособность на него ответить побудили меня написать книгу *Social Theory for Alternative Societies* [Социальная теория об альтернативах общественного развития, 2016], где я попытался охарактеризовать всё разнообразие альтернатив, предлагаемых социологами. В процессе её создания для меня стало очевидным существование богатой истории социологических альтернатив. Как отмечают исследователи, дисциплина, которая базируется на критике и ставит под сомнение неизбежность того, что существует, как это всё чаще делает социология, автоматически сталкивается с вопросом о том, как могло бы быть иначе — вопросом об альтернативах. Для социологов, занимающихся сегодня решением этой дилеммы, знание истории предлагаемых социологией альтернатив было бы полезно.

Когда мы изучаем историю предлагаемых социологами альтернатив, то видим их взаимосвязь с критикой. Даже Карл Маркс, который, как известно, шутил, что он «не даёт готовых рецептов на будущее», всё-таки формулировал идеи о том, каким может быть коммунизм — ликвидация частной собственности, уменьшение разделения труда, работа как «главная потребность» и т. д. Говоря об альтернативах, он стремился усилить критику капитализма. Та же тенденция обнаруживается у более поздних марксистов, будь то Анри Лефевр, использующий альтернативу *autogestion* (самоорганизации и управления), чтобы вскрыть механизмы управления повседневной жизнью; Герберт Маркузе, подчеркивающий «новую субъективность», предложенную человечеству движениями «великого негативизма» 1960-1970-х годов, или отстаивание идеи отмены тюрем Анжелой Дэвис в ответ на развитие опасного тюремно-промышленного комплекса. Названные авторы сходились в том, что понимание альтернатив необходимо для проблематизации незыблемости того, что существует.

>>

Социологи, работающие в других теоретических перспективах, также разделяли точку зрения о взаимосвязи критики и выработки альтернатив в различных контекстах. Эмиль Дюркгейм предложил множество альтернатив, в том числе запрет на наследование. Право наследования было представлено как несовместимое с зарождающейся современной Францией, для которой свойственны индивидуализм и меритократия, а также обострение форм экономического неравенства, и потому право наследования должно быть запрещено (согласно его точке зрения). В Шотландии Патрик Геддес предлагал преодолеть проблему перенаселённости и неблагоприятных условий жизни в городе с развитой промышленностью, с помощью системы «консервативной хирургии», которая подразумевала изменение городского пространства с акцентом на потребности граждан. Влияние его идей до сих пор обнаруживается в Старом городе Эдинбурга на маршруте наследия Патрика Геддеса. В то же время в США У. Э. Б. Дюбуа отреагировал на смену режима расового неравенства предложением альтернативных путей развития. Он отказался от оптимистической, либеральной веры в науку и образование, нашедшей выражение в пропаганде «негритянских академий», и перешёл к радикальному требованию экономической сегрегации темнокожего населения, чтобы указать на возможность других альтернатив помимо капитализма.

Если всерьёз отнестись к утверждению Ч. Райта Миллса, сформулированному в работе «Социологическое воображение», что социология пытается сделать общество более демократичным, неудивительно, что она также предлагает альтернативы, направленные на укрепление демократии. В Чикаго Джордж Герберт Мид подчеркнул трудность того, чтобы «гений» всех людей выражался в демократии, которая сводит политику к битве «персоналий». Вместо этого он выступал за ряд социальных реформ — социальные поселения, городские клубы, лиги по защите иммигрантов, арбитраж забастовок, избирательные кампании, образование для лиц с особыми потребностями — чтобы все граждане имели возможность выразить себя в рамках демократии. Тем временем, высланный обстоятельствами в Лондон из Германии Карл Мангейм разработал в общих чертах систему «воинствующей демократии», включающей набор строго закреплённых центральных демократических ценностей, и опирающейся на «новый правящий класс», имеющий социологическое образование. Эти институции были призваны, по мнению ученого, предотвратить господство фашистской идеологии.

Феминистская социология также внесла значительный вклад в поиски альтернатив. Сельма Джеймс и Марьяроза Далла Коста, отвечая на вопросы, сформулированные ранее такими авторами, как Маргарет Бентсон,

которая выступает за обобществление домашнего труда, предложили установить плату за домашнюю работу как способ преодолеть неравенство прав при патриархате. Таким образом, они также надеялись поставить женщину в центр революционной борьбы за социалистическое общество. Позже, реагируя на опасения, что порнография воспроизводит «сексуализированную иерархию» и представление о женщине, в первую очередь как об источнике удовлетворения для мужчины, Андреа Дворкин и Кэтрин МакКиннон стремились к запрету порнографии. В ответ такие феминистки, как Линн Сигал и Шейла МакГрегор, отметили, что вместо того, чтобы пытаться запретить порнографию, мы должны найти более адекватные феминизму способы выражения сексуального желания.

Альтернативы, обозначенные в настоящей статье, в таких работах, как «Третий путь» Энтони Гидденса, «Европа для граждан» Ульриха Бека, или предложения, сформулированные социологами в ходе дискуссии о базовых доходах, указывают на необходимость социологии рассмотреть характер её возможного вмешательства в социальное развитие. Хотя идеи «публичной социологии», разрабатываемые Майклом Буравым, мотивируют социологов задуматься о характере их общественной деятельности, однако иногда в исторических примерах публичной социологии эта рефлексия отсутствует. Тем не менее, когда мы оглядываемся на историю социологических альтернатив, мы находим плодотворные примеры для настоящего: от переустройства городской среды Геддеса, организации сообществ Мида, активизма Дэвис, направленного против тюрем, до радиолекций Мангейма. Такой ракурс анализа также напоминает нам о той роли, которую выполняет беллетристика, давая возможность социологам обозначить видимые ими альтернативы. Возможно, наиболее значимой является феминистская утопия Шарлотты Перкинс Гилман *Herland* (1915), в которой она развивает идеи коллективного воспитания детей и принципы устойчивых отношений между человечеством и природой.

Рут Левитас высказывает мысль о том, что работы социологов содержат «молчаливые утопии», поскольку в них учёные тратят значительные усилия на критику форм неравенства и власти, формулируя рекомендации по их устранению. Я надеюсь, что в этой небольшой статье мне удалось показать, что часто социологи не молчат об альтернативах, которые могут предложить. В социологии есть богатая история альтернатив, которыми можно вдохновляться, о которых нужно спорить и подвергать критике. Когда нас спрашивают: «Так какова же альтернатива?», — нам есть что ответить. ■

Адрес для связи: Мэтт Доусон <Matt.Dawson@Glasgow.ac.uk>

> Создавая будущее

Райнер Риллинг, Марбургский университет, Германия

Кто и что определяет наше будущее?

Фото: С. Вастано/Flickr. Некоторые права сохранены.

У термина «трансформация» небольшая, но богатая история. Его содержание варьируется от повседневного и политического до научного описания всех видов изменений. Под термином «трансформация» понимаются такие разноплановые феномены, как смена политического режима, эволюция постколониальных порядков к либеральному демократическому капитализму, разнообразие глоболизирующегося капитализма. В более широком смысле термин используется для обозначения «Великих трансформаций» в отношениях между человеком и природой, переход от государственно-социалистического к капиталистическому устройству и так далее. Несмотря на то, что часто в дискуссиях трансформации уделяется внимание противоречиям, связанным с тем, как и с кем различные субъекты могли добраться «отсюда» «туда», тем не менее, часто в этих обсуждениях удивительным образом игнорируются некоторые аспекты «политики будущего».

«Будущее уже здесь; просто оно ещё не распределено равномерно». Об этом, как считается, четверть века назад заявил Уильям Гибсон, который изобрёл термин «киберпространство». Однако он умолчал о текущем или будущем распределении этого будущего, хотя вопрос об этом уже ставился несколько веков назад. Формирование современного отношения ко времени в буржуазном

модернизме не только революционизировало до сих пор актуальное различие между прошлым, настоящим и будущим. Современное понимание времени изменило значение «будущего» с пассивного на активное («будущее создаётся»). Такое понимание времени сделало получение прибыли и расчёт с будущим — то есть фьючерсы — центром новой экономической системы. В итоге, докапиталистические общества, ориентированные на прошлое, трансформировались в общества, накапливающие капитал и ориентированные на будущее. И именно с тех пор постоянно появляются стратегические проекты, нацеленные в широком смысле на захват «континента будущего».

Благодаря универсализации рынков и капитализированных денег и их территориальному, а также социальному «высвобождению» (Карл Полаanyi) возникли такие стратегические форматы, как «будущее в настоящем» (*present futures*) (Никлас Луман), которые теперь существуют повсеместно. Сегодня к ним можно отнести, например, глобальные ставки на будущее доминирующего денежно-властного комплекса финансовой индустрии, обещания безопасности и расширение «будущих аппаратов» превентивного, насильственного и военного государства или расчёты экологической устойчивости и экономической прибыли, произведённые через прогрессивное соединение геоинженерии и пост-ископаемого топлива

>>

«зелёного капитализма». Однако в ещё большей степени, строительство сложных систем технологических и социальных инноваций средствами, так называемой Индустрии 4.0, большие данные, цифровое общество, умные пространства и доминирование цифровых технологий обозначают многообещающие перспективы глобальной консолидации в рамках проекта трансформации информационно-индустриальных производительных сил современного капитализма.

Можно предположить, что обозначенные стратегические форматы в очередной раз произведут революцию в многообразных моделях индивидуального и социокультурного поведения, связанного со временем. Они также коренным образом изменят такие социальные практики, возникшие в XIX веке, как предосторожность, профилактика, упреждение, подготовка и адаптация (устойчивость), которые являются выражением постоянной неослабевающей ориентации на будущее.

Эти большие форматы являются одновременно общественными и частными сегментами капиталистических возможностей будущего и ориентированы на то, чтобы проложить дорогу к получению прибыли и власти в условиях неопределённости ожидаемого будущего. В динамике их развития присутствуют и насилие, и кризисы, именно потому, что, несмотря на нехватку согласованности развития, они сформировали своё собственное содержание и присущие им режимы власти и, таким образом, представляют необычайно прогрессивную силу в масштабах всей планеты.

В то же время каждый из проектов, нацеленных на эксплуатацию «континента будущего», порождает все новые эффективные в глобальном охвате видения, утопии, мифы и ожидания (Йенс Беккерт), которые лежат в основе системной жизнеспособности современного капитализма. Эти проекты функционируют как «генераторы смысла» (Георг Болленбек) и вносят свой вклад в формирование доминирующих интерпретаций мира и встроенное в них понимание «будущего в настоящем».

Что происходит, когда мы строим, рассказываем, считываем, пишем, надеемся, планируем или фантазируем о будущем? В результате будущее становится настоящим (действительным, реальным). Будущее определяется путём наименования, интерпретации и накладывания определённых рамок. Создаваясь здесь и сейчас, оно переносится в настоящее, становясь «будущим в настоящем». Проекты, о которых идёт речь, ранее и сейчас обозначены, осмыслены, проинтерпретированы и перенесены в настоящее. Именно таким образом они становятся актуальными пространствами принятия решений. Весь процесс сопровождается попыткой минимизировать различия между фактическим «будущим настоящего» и текущим «будущим в настоящем», так как каждое «будущее в настоящем» находится между здесь и сейчас и тогда и там. Будущее в настоящем присутствует, но в то же время отсутствует, потому что оно ещё не происходит, его ещё здесь нет, и оно даже может никогда не произойти. Именно это присутствие в настоящем чего-то, что ещё не происходит или может никогда не произойти, делает такое будущее в настоящем предметом решений, действий или бездействия.

Таким образом, во-первых, речь идет о том, кто и какой «временной отпечаток» (*Zeitabdruck*) будущего в настоящем оставляет в будущем настоящего. Во-вторых, в настоящем необходимо принимать решения об идеях, моделях, образах, нарративах и действиях, ориентированных на будущее, которые можно использовать для выработки доверия, обоснованности, принятия, одобрения и, в конечном счёте, безопасности, относительно того, что это будущее настоящего — несмотря на свою неопределённость и непредсказуемость — фактически произойдет. Это изюминка «политики будущего», которая стоит на шатких ногах, но это ноги гигантов.

Однако развитие будущего в настоящем также подразумевает изменение будущего некоторых категорий людей. По выражению британского социолога Барбары Адам, «мы создаем и изымаем будущее», например, у эксплуатируемых, крайне бедных, бездомных, незарегистрированных, заключённых в тюрьмах, или беженцев. В такой ситуации любое властное и гегемонное создание будущего предопределяет, формирует и разрушает будущее настоящего тех, кто следует за этими решениями. Кризисы, бедность, лишения и жёсткая экономия сжимают их время до самого основного: до времени выживания в бедственном положении текущего настоящего, таким образом, не оставляя времени для размышлений о привлекательности будущего, лучшей жизни и её планировании. Жёсткая экономия — это непрерывное нападение на будущее бедных с тем, чтобы закрыть эту возможную область будущего — это «хранилище возможностей» (по Луману) — и не допустить к власти всё, что может идти вразрез с доминирующими проектами через параллельные подструктуры. Эта тенденция является характерным признаком доминирующей политики будущего здесь и сейчас.

Тем не менее, дело не в реализации великих культурных моделей и капиталистических нарративов о будущем, а в их способности формироваться и их стабильности, которые с очевидностью разрушаются на протяжении последних 50 лет. За минувшее десятилетие опыт переживания экономического кризиса, стремительное разрушение социал-демократически-либеральных моделей порядка и усиление политики насилия со стороны правых форсируют дестабилизацию. Националистические и фашистские нарративы — не о рынках, а о виновных элитах — возрождаются и обновляются. С 2008 года финансиализация и финансовый кризис обесценили и разрушили миллионы вариантов воображаемого будущего настоящего. С начала тысячелетия новые, преимущественно культурные паттерны будущего возобновляются или объединяются на основе этого опыта и связанных с ним возможностей. Таким образом, эти пути в будущее всё в большей степени опираются на мегатрендовые разрывы и сбои в экономике, а также активизируют регрессивные ретрокультуры правых. Так политическая контрпропаганда прошлого набирает вес, институционализируется и стабилизируется экономически.

Те, кто стремится критиковать, реформировать или радикально преобразовывать современный капитализм, очевидно, должны иметь дело с тем фактом, что капитализм впервые в истории является обществом будущего, которое оперирует вероятными, убедительными и возможными проектами будущего под лозунгом обращения к нарративам политики прошлого. ■

Адрес для связи: Райнер Риллинг <rilling@mail.uni-marburg.de>

> Многоголосье

Buen Vivir

Матео Мартинес Абарка, Национальный университет Мексики, Мексика; Центр социальных исследований, Университет Коимбры, Португалия

Иллюстрация Арбу.

В последние годы в Латинской Америке, особенно в Андском регионе, проходит обсуждение идеи *Buen Vivir*. Эта влиятельная концепция прошла длинный путь развития за очень короткое время: сначала в качестве предложения, выработанного в ходе борьбы коренных народов за свои права в 1990-х годах; затем в рамках оживлённой дискуссии в левых интеллектуальных и научных кругах; и, наконец (в таких странах, как Эквадор, например) в качестве ключевой концепции новой национальной Конституции 2008 года и, следовательно, части государственной политики. Так что же такое *Buen Vivir*? Следует ли рассматривать эту концепцию как практическую альтернативу социального развития не только для Латинской Америки, но для всего мира?

Определение *Buen Vivir* во многом зависит от контекста. Именно в этом смысле понимание «хорошей

жизни» выражает мнение тех, кто использует этот слоган. Именно поэтому значение концепции *Buen Vivir* не одинаково для всех коренных народов или для всех женщин из числа коренного населения, эко-активистов, представителей интеллигенции, НПО или даже правительства Эквадора. *Buen Vivir*, что буквально в переводе с испанского значит «хорошая жизнь», это богатый, но неуловимый концепт, который находится в процессе формулировки, и содержание которого не может быть окончательно определено, так как оно постоянно строится и перестраивается, согласовывается и перетверждается.

Например, в отношении коренных народов идею *Buen Vivir* невозможно понять, не углубившись в их философию и мировоззрение. В Эквадоре народы кечуа используют концепцию *Sumak Kawsay* в качестве эквивалента *Buen Vivir*. *Sumak Kawsay* можно опреде-

>>

лить как утопическую концепцию, основанную на идее *Pachamata* (условно переводимую как «Мать-Земля»), которая подразумевает встроенность всех социальных отношений между людьми и природой в общность, базирующуюся на принципах взаимодополняемости, реципрокности, солидарности и равенства. Говорящие на языке кечуа понимают *Sumak Kawsay* как противоположность *Llaki Kawsay*, или «плохой жизни», неблагоприятным условиям жизни при отсутствии сообщества. У народа аймара в Боливии есть похожая концепция *Suma Qamaña*. Парагвайская народность гуарани называет её *Ñandereko*, у этнической группы мапуче в Чили и Аргентине эта концепция обозначается как *Küme Mongen*, и т. д.

В представлениях интеллектуалов и учёных, особенно латиноамериканских левых, идея *Buen Vivir* тесно связана с проблемами развития, экономического роста и эксплуатации сырьевых ресурсов. В условиях капитализма экономический рост базируется на коммодификации производительной деятельности человека и самой природы (включая даже «непроизводительные» человеческие и природные процессы). Таким образом, концепт *Buen Vivir* мог бы выступать полной противоположностью рыночных способов оценки: утверждение приоритета потребительской стоимости над меновой стоимостью — как сформулировали бы это различие теоретики-материалисты XIX и XX веков. В этом смысле идея *Buen Vivir* означала бы не только стремление действовать в соответствии с логикой общества построста, но и формирование совершенно иной посткапиталистической экономической рациональности.

В любом случае, концепцию *Buen Vivir* следует рассматривать как критику современности, основанную на различных западных онтологиях — включая и те, которые принято обозначать как марксизм — в условиях кризиса колониальных, евроцентричных моделей глобальной власти. С точки зрения теоретической перспективы, концепция *Buen Vivir* включает в себя разработки критической и постколониальной теорий, феминизма, культурных, расовых и гендерных исследований, а также политической экологии. Однако её историческая релевантность формируется главным образом за счёт определённого, зачастую сурового опыта, приобретённого социальными движениями, в частности, движениями коренных народов, которые способствуют тому, чтобы их рефлексии и обязательства преобразовывались в систему представлений, мобилизующих их борьбу. В той же мере концепция *Buen Vivir* последовательно избегает реификации: изменчивость является одним из её достоинств по сравнению со свойственной другим концепциям-утопиям теоретической стагнацией.

В некоторых случаях на основе идеи *Buen Vivir* конкретные сообщества изобретают новые, очень прагматичные концепции, ориентированные на решение конкретных проблем, возникающих в ходе борьбы. Примером может послужить понятие *Kawsak Sacha* или «живой лес», происходящее из языка коренной народ-

ности Эквадора сараяку, проживающей в бассейне реки Амазонки. Новая концепция появилась в начале 2000-х годов в ответ на угрозу добычи нефти на территории сообщества, когда первоочередной задачей стало создание «жизненного проекта» сообщества в качестве альтернативы введению моделей добычи сырьевых ресурсов. Через несколько лет сараяку и дружественные им организации представили инициативу *Kawsak Sacha* на Парижском саммите по климату (*Paris Climate Summit, COP-21*) в 2015 году, а затем на Всемирном конгрессе охраны природы Международного союза по охране природы (МСОП) на Гавайях в 2016 году.

В концепции *Buen Vivir* не просто воссоздано «мировоззрение предков», хотя она действительно сохраняет и ревитализирует некоторые традиционные элементы исторической памяти коренных народов. Скорее, эта концепция может рассматриваться как прогрессивная конструкция идей и практик, постоянно адаптирующихся к ритмам реальности, в которой центральной остаётся проблема непрерывной эксплуатации труда и природы. Типичная ошибка учёных и активистов глобального Севера и глобального Юга — представлять идею *Buen Vivir* как новейший тренд духовности нью-эйдж, когда группы коренных народов и их соратники собираются для игры на барабанах под полной луной, пока вокруг них рушится мир. Восприятие идеи в таком наивном рационально-прагматическом ракурсе непреднамеренно способствовало бы её деполитизации, хотя в своей первоначальной форме *Buen Vivir* является глубоко политическим вызовом.

Подобные ошибки толкования и деполитизированная интерпретация принципов *Buen Vivir* некоторыми правительствами в качестве доктрины, встроенной в логику государственного управления, дискредитируют заложенную в ней радикальную трансформационную альтернативу социального развития. Похоже, эта тенденция исходит из Эквадора, где концепция *Buen Vivir* является частью национальной Конституции 2008 года. Несмотря на трансформационный потенциал, составляющий самую суть концепта *Buen Vivir*, его включение в конкретный проект правительства, связанное с так называемым «розовым приливом» в Южной Америке, привело к бюрократическому истощению потенциала этой идеи для эквадорского общества. Политический режим Эквадора утонул в повестке интенсивной добычи сырья, авторитарных практиках и череде коррупционных скандалов. И всё же, кратковременная неудача этого гениального контрполитического эксперимента продолжает стимулировать необходимую самокритику, обновление и обучение многочисленных участников, которые продолжают отождествлять себя с проектом и верить в него. И, в конце концов, именно за ними будет последнее слово о будущем концепции *Buen Vivir* как философского и политического инструмента борьбы за лучшее будущее. ■

Адрес для связи: Матео Мартинес Абарка <abortocronico@gmail.com>

> Другое будущее Арабского мира

Абделькадер Латреш, социолог и демограф, Катар/Алжир

Демонстрация в Алжире. Надпись на одном из плакатов гласит: «Вы украли все, что у нас было: идентичность, историю, революцию, независимость, наши ресурсы, наше прошлое и будущее! Но вам не удастся украсть наше будущее!». Фото: Абделькадер Латреш.

шлого. Будущее, с другой стороны, видится как синоним возрождения, перелома и модернизма. Это становится очевидным на примере Арабского возрождения XIX века, обличавшего застойное арабское общество и содействовавшего формированию нового, современного политического пространства.

Идея будущего арабов, «арабской нации» или арабских стран всегда присутствовала в арабской философской мысли, в идеях политических движений и партий — как до, так и после получения независимости арабскими странами. Эта идея неотделима от современной истории Арабского мира, в частности движения Нахда (букв. пробуждение), деколонизации, модернизации и строительства новых национальных государств. Идея арабского будущего десятилетиями ассоциировалась исключительно с идеей всеарабского объединения и/или совместного действия. Социальные и массовые популярные проекты, пронизанные идеями об арабской мечте, до сих пор находят выражение в литературной, художественной, спортивной и других областях деятельности. Очевидно, идея всеарабского будущего пронизывает все исторические периоды и поколения. Однако она становится более проблематичной — в частности, потому, что в будущем ожидается демографический рост арабского населения.

> Другое будущее

С момента получения независимости арабские страны демонстрируют готовность модернизировать государственное управление. Создаются новые национальные и региональные учреждения, разрабатываются новые юридические и законодательные рамки, принимаются различные национальные и региональные политики развития. Эти усилия требуют мобилизации огромных национальных ресурсов и всегда зависят от единственного источника благосостояния страны — нефти или газа, туризма или сельского хозяйства. Кризис первичного сектора производства — добывающей промышленности, — например, скачущие цены на нефть и газ, — влечёт за собой крупные убытки и блокирует государственные инвестиции, что, в свою очередь, ведёт к экономическому и социальному кризису. Нельзя допускать, чтобы особенностью экономики арабских стран оставалась их тотальная зависимость от одной единственной отрасли; следует иначе

Прогнозирование, поиск и формирование будущего арабских стран/Арабского мира — смелый вызов и сложная задача. Это вызов, поскольку речь идёт о странах, крайне озабоченных своим будущим. Их терзают противоречия между величием прошлого и бедственным настоящим. Перед нами общества, где идёт неухаживающий спор между традицией (кадим) и современностью (джадид). Постоянная диалектика между историческими переломами и преемственностью сопровождает поиск лучшего завтра, в том числе нескончаемый поиск новой версии мифа об «арабской нации». Задача сложна, поскольку арабские общества с самого XIX века переживают фазу перемен: после деколонизации они начали строить национальные государства, затем последовали различные кризисы, обусловленные конфликтами, расколами и поисками возрождения (таджид). В борьбе за эмансипацию возрождение (модернизм) восстаёт против традиционализма и порождает исторические переломные моменты. Именно по этой причине арабские страны всегда кажутся слабыми, желающими всё переделать заново. Арабские освободительные революции, напоминающие европейские революции XIX века, всегда противопоставляют настоящее время истории и стремятся уничтожить символы про-

управлять экономикой и по-другому распоряжаться ресурсами, в частности, нефтью и газом. Это значительное изменение, или «перелом», требует диверсификации экономики стран за пределы нефтегазовой индустрии. Только в этом случае вырастет ценность производительного труда, а локальные промышленные инициативы получат инклюзивную поддержку. Кроме того, перемены требуют ликвидации всех практик социального исключения на основании гендера, возраста, религии, этничности, а также принадлежности к какой-либо экономической, социальной, региональной или племенной группе. Для будущей стабильности арабских стран требуются реформы и модернизация политических систем, которая предоставит всем слоям населения возможность участвовать в политической жизни страны. Следует отбросить концепцию «лидера на всю жизнь» (*président à vie*), популярную на арабской политической сцене XX века. Ещё один институциональный перелом относится к повышению эффективности национальных политических институтов, а также модернизации и профессионализации региональных арабских институтов, что сделает их менее зависимыми от политики и предоставит им больше полномочий.

«Другое» будущее арабов подразумевает разрыв с прошлым, упразднение прежних установок и принятие новых стратегий, направленных на усиление локальных (индивидуальных и групповых) инициатив. Целью этих стратегий является создание «новых граждан» — участников экономической, политической и общественной жизни. Для обеспечения необходимой степени участия необходимо организовать гражданское общество посредством создания свободных автономных общественных и профессиональных объединений. В развитие общества следует вовлекать разные группы людей — предпринимателей, студентов, молодёжь, женщин и различные социальные институты. Формирование гражданского общества требует всеобъемлющей дискуссии о выработке национальной политики. При этом подразумевается не сокращение государственных компетенций, а растущее вовлечение негосударственных партнёров с целью создания инклюзивной формы управления, которая бы укрепила отношения между управляющими и управляемыми.

Перемены в деятельности и мышлении предполагают ответственную и смелую дискуссию о типах и режимах государственного управления, а также о положении женщин в арабских странах. В данной дискуссии следует остерегаться любых форм популизма. Подобным же образом необходимо обсудить место ислама в обществе, дабы подтвердить его центральный статус в структуре государства.

К концу XXI века будущее арабских стран перестанет целиком зависеть от институциональных и функциональных переломов и разрывов. Оно будет зависеть также от того, как арабские нации и весь регион видят своё место, роль и функцию в мире. Неужели Арабский мир навеки останется лишь нефтегазовым поставщиком и им-

портёром всяческих полезных и бесполезных товаров? Неужели арабский регион навсегда останется регионом конфликтов и войн, поставляющим растущий поток беженцев и социально исключённых людей? Или все-таки арабские страны превратятся в стабильный регион без конфликтов и перемещённых лиц, с сильными социальными гарантиями, достойным образованием и хорошо работающей системой здравоохранения? Что новые поколения арабов привнесут в промышленность, медицину, технологию, науку? Каков будет их вклад?

Институциональные и функциональные перемены должны сопровождаться формированием нового места арабских стран в глобальном мире. Это не требует создания специальных институтов или разработки особого законодательства, однако требует веры в саму возможность построения другого Арабского мира. Отсюда может начаться новая внутренняя дискуссия о том, какого будущего хотят арабы. Варианты будущего не ограничены импровизированными политическими реформами, воссоединением или всеарабским союзом. Имеет смысл развивать общерегиональную перспективу, в основу которой лягут общие фундаментальные прагматические интересы арабских стран, поддержание стабильности, предотвращение и разрешение конфликтов, процветание, безопасность, межрегиональный обмен и сотрудничество.

Необходимо уже сейчас начать создавать и планировать всеарабское будущее конца XXI века, чтобы оставить в наследство следующим поколениям основания нового Арабского мира — основания, разработанные своими силами, а не заимствованные извне и искусственно адаптированные. Такое будущее не предполагает полного разрыва с достижениями прошлого. За прошедшие столетия в арабских странах случилось множество колоссальных изменений, в том числе связанных с реакцией на различные мировые события. Именно эти ситуации необходимо использовать как базу для создания нового будущего. Шаги к будущему теперь следует считать первоочередной задачей, чтобы избежать повторения тех же злоключений, разочарований, ошибок прошлого и настоящего — особенно с учётом того, что в ближайшем и далёком будущем количество внутренних и внешних вызовов будет только расти.

Арабы, их соседи и союзники по-разному представляют себе объективные условия возникновения нового, благополучного Арабского мира. Если какая-либо сфера социальной жизни требует масштабных перемен, необходимо воплощать их посредством диалога и обмена, а не насилия и исключения. Это одна из важнейших задач как нынешнего, так и будущих арабских поколений. Поэтому сегодня создание нового арабского будущего должно стать приоритетной задачей всех арабов — не одной арабской страны, но всего региона в целом. ■

Адрес для связи: Абделькадер Латреш <ablatre@yahoo.fr>

> Как стигма накладывает ограничения на политику: сборщики мусора в Южной Африке

Тереза Перес, Кейптаунский университет, ЮАР

Ассоциация сборщиков отходов Южной Африки (SAWPA). Фото предоставлено SAWPA.

В прошлом месяце я закончила упаковывать последние вещи, готовясь вернуться в Великобританию после семи лет жизни в Кейптауне. Всё, что мне не было нужно, я выставила за двери, и эти вещи исчезли в течение часа. Сборщики мусора собирали, сортировали и продавали мои вещи. Для меня это был быстрый и удобный способ минимизировать отходы, одновременно оказывая поддержку тем, кто может получить доход. По мнению остальных, я вела себя безответственно, привлекая в наш район и поощряя бездомных людей, которые, без сомнения, тратили деньги на алкоголь и запрещённые вещества. Общественные группы по охране порядка в районах мало удивились бы краже со взломом несколько недель спустя по соседству, поскольку так называемые «сборщики мусора» — это глаза и уши преступников.

Такое неоднозначное отношение к сборщикам мусора можно объяснить тем, что политике ещё только предстоит преодолеть их стигматизацию. Негативные стереотипы влияют на вероятность того, что сбор мусора станет «зеленой работой» или что те, кто его осуществляет, станут работниками отрасли по переработке отходов. Понятие «сборщик мусора» имеет негативные коннотации, вследствие чего предлагается использовать другие термины,

такие как «реклемер» (от англ. *reclaim* — утилизировать (прим. перев.)). Я использую понятие «сборщик мусора» в том же смысле, в каком оно употребляется *South African Waste Pickers' Association (SAWPA)* [Ассоциацией сборщиков отходов Южной Африки] и *Global Alliance of Waste Pickers* [Глобальным альянсом сборщиков отходов], выступаящими за улучшение условий своего труда. Несмотря на прилагаемые ими усилия, до сих пор не сложилось единого мнения об условиях (если таковые имеются), при которых сборщикам мусора следует оказывать поддержку.

> Политика и имидж

Неопределённость в отношении сбора отходов усугубляется разнообразием позиций, выражаемых на различных уровнях политики, а также в разных регионах. На глобальном уровне Международная Организация Труда включает проблему сбора отходов в повестку дня о «достойных условиях труда». Сборщики мусора считаются значимыми фигурами в достижении целей ООН в области устойчивого развития; они являются потенциальными работниками «зеленой» экономики на глобальном Юге. В отличие от своих коллег на глобальном Севере, которых иногда называют «фриганями» или «мусорными дайверами», сборщики мусора в Африке не связаны с движением в защиту окружа-

ющей среды. Сборщики отходов редко рассматриваются как люди, делающие активный выбор, и вместо этого их деятельность ассоциируется с безысходностью. Этот образ значим на национальном уровне. С одной стороны, правительства могут выбрать более трудоёмкие методы минимизации отходов, которые могли бы предоставить рабочие места сборщикам мусора, но сопряжены с высоким уровнем бедности. С другой стороны, они могут проводить политику технологических решений, таких как «Программа преобразования отходов в энергию», которая повторяет современные европейские методы, но создаёт меньше рабочих мест и маловероятно, что эти рабочие места будут заняты людьми, работающими в настоящее время сборщиками отходов.

В 2017 году в Кейптауне открылась первая в Африке крупномасштабная электростанция, работающая на отходах. В контексте нехватки электроэнергии и возобновления регулярных отключений электроэнергии на момент написания этой статьи любая альтернатива национальному поставщику коммунальных услуг (*Eskom*) имеет спрос. Ещё одно преимущество, о котором сообщалось при запуске завода, заключалось в том, что рабочим (примерно 80 человек) не придётся собирать отходы на свалках. На самом деле, в отличие от других местных органов власти, которые помогали сборщикам мусора создавать кооперативы по сбору отходов, в Кейптауне сбор мусора на свалках запрещён законом. В Южной Африке существуют региональные нормативные различия в регулировании сбора мусора, так как, несмотря на то, что национальное законодательство (Закон об отходах) предусматривает, что местные органы власти должны иметь план по утилизации отходов, способ достижения нулевого уровня отходов находится полностью на усмотрении местных политиков. В городских районах, стремящихся стать «городами мира», современный имидж важен для привлечения иностранных инвестиций. Сборщики уличных отходов выдворяются из центральных деловых районов во время подготовки к мероприятиям высокого уровня таким, как, например, чемпионат мира по футболу *FIFA*. Любой сбор мусора на улице, как правило, рассматривается местными чиновниками как добровольный, но в целом не приветствуется. Отчасти это связано с жалобами жителей, особенно в исторически «белых» пригородах, где жители связывают грязь с преступностью.

> **Оценки жителей**

Увеличение «зелёных» рабочих мест предполагает участие общественности. Успех схем сбора уличного мусора зависит от того, как жители сортируют мусор и как относятся к тому, что бывшие сборщики мусора получили доступ к сортировке бытовых отходов. В настоящее время сборщики мусора борются за то, чтобы представить себя в качестве потенциальных работников отрасли по переработке мусора, а свой труд — в качестве одного из вариантов коммунальных услуг. Однако в целом они вызывают подозрения у жителей, которые задаются вопросами: что это за люди, которые копаются в мусорном ведре? Какова их мотивация? Внешне сборщики мусора ничем не отличаются от нищих бродяг. Последних часто называют «айсбергами», поскольку перебирать мусорное ведро — это крайняя мера для людей, разрывающих связи с друзьями и семьёй — отношения, на которые «нормальные» люди могли бы положиться в случае необходимости. Внешний вид сборщиков мусора

способствует возникновению впечатления, что они не заслуживают доверия. У многих из них есть тюремные татуировки, шрамы и другие физические признаки, которые служат дискредитирующими маркерами. Всё это затрудняет их репрезентацию в качестве людей, которые оставили преступный мир, создав себе рабочее место. Сборщики отходов кажутся жителям неприступными, а отсутствие взаимодействия между ними и жителями означает, что последние полагаются на другие источники информации, чтобы составить мнение о том, кто собирает их мусор.

В богатых пригородах частные охранные предприятия советуют не обращаться к сборщикам мусора, разжигая таким образом предрассудки и дискриминацию в их адрес. Такое отношение порождает чувство страха среди горожан, от которого зависит охранный бизнес. Точно так же и общественные группы по охране порядка не могут отличить людей, пытающихся зарабатывать на жизнь, от тех, кто пытается проникнуть в их дом. Жители объединяются с членами общественных советов, чтобы создать уличные патрули, которые практикуют составление характеристик в соответствии с «расой», возрастом и гендерной принадлежностью, докладывая о каждом и устраняя любого, кто рассматривается как угроза безопасности. Группы жителей в мессенджере «Ватсап» используют аббревиатуру «ЧМ» в качестве кода, обозначающего «чернокожего мужчину», чтобы отслеживать нежелательных людей, замеченных по соседству. Поэтому сборщики уличных отходов должны постоянно договариваться и согласовывать возможность доступа на улицы и к отходам домохозяйств. В нынешнем положении сборщики мусора едва ли будут восприниматься населением как потенциальные работники сферы обслуживания. За исключением государственной поддержки, оказываемой в некоторых частях ЮАР, и помощи со стороны групп активистов, в целом положение сборщиков мусора остаётся маргинализированным. Поэтому политика, направленная на то, чтобы помогать сборщикам мусора формировать коллективы или становиться наёмными работниками, как это происходит в некоторых частях Южной Америки, не охватывает категорию людей, которые стигматизируются как источник опасности.

Стигма усугубляется непоследовательностью политики, проводимой на глобальном и локальном уровнях, и накладывает ограничения на деятельность сборщиков мусора в Южной Африке. Широко распространённые стереотипы, основанные на исторически сложившемся пренебрежительном отношении к нерегулируемому труду (неевропейских) работников, не позволяют им получить поддержку, необходимую для участия в «зелёной экономике». Сборщики отходов воспринимаются как бродяги, зависящие от алкоголя или запрещённых веществ, неспособные к рациональному мышлению и представляющие угрозу безопасности в богатых пригородах. Сбор мусора рассматривается как отсталый, грязный и неэффективный способ минимизации отходов. Этот негатив сохраняется ещё в большей степени благодаря политике, которая маркирует сборщиков мусора и сам сбор отходов как признаки развивающейся страны. Следовательно, в городах, заинтересованных в развитии туристической отрасли и бизнеса, механизированные формы переработки мусора, вероятно, будут популярнее своих трудоёмких аналогов. ■

Адрес для связи: Тереза Перес <tpz031@googlemail.com>

> Адаптация к климатическим изменениям: мелкие фермеры в Зимбабве

Кристофер Мабеза, Открытый университет Зимбабве, Зимбабве

Нет никаких сомнений в том, что глобальный климат меняется. Последствия изменений климата ощущаются в неравной степени по всему миру, и основной удар приходится на население развивающихся стран. Зимбабве не является исключением — климатические изменения отразились на всей сельской местности страны. Повышенная изменчивость дождей приводит к разорению мелких землевладельцев, чья ситуация ухудшается от засухи к засухе, и источники средств существования становятся всё более ненадёжными. В дискуссиях об изменении климата, как правило, не уделяется внимание мелким фермерам, которые первые испытывают на себе его негативные последствия, и под давлением экзистенциальной угрозы вырабатывают удивительные стратегии адаптации. Как ни прискорбно, их инновации едва ли когда-либо учитываются при разработке политических мер. Политики только морщат носы при указании на ту важную роль, которую выполняют местные инновации в адаптации сельских сообществ к изменению климата. Трансфер технологий, по-видимому, считается наиболее продуктивной политикой адаптации к климатическим изменениям. И всё же, в настоящей статье автор придерживается той точки зрения, что стратегии мелких фермеров имеют решающее значение для развития сельских районов.

В основе инициатив мелких фермеров в сельских районах Зимбабве лежат непрерывные эксперименты, которые свидетельствуют об упорстве землевладельцев. Инновации — это попытка выйти из тупика. Вырабатываемые ими стратегии не являются простым решением проблемы уязвимости источников существования. Скорее, они представляют собой ряд небольших шагов в адаптации к изменениям климата. Следовательно, это означает, что не предлагается единого подхода, а разрабатываются множественные решения, работающие на устранение последствий климатических изменений.

Народность шона в Зимбабве адаптируется к изменению климата с незапамятных времён. Это самая большая этническая группа в стране. Они гордятся своим трудолюбием и не терпят лени. К земле шона относятся как к гаранту обеспечения питания, и источник их средств существования зависит от неорощаемого земледелия. Среди этих фермеров есть люди, которые становятся экспертами в области сельского хозяйства и адаптации к изменяющимся климатическим условиям. В среде шона они известны как *hurudza*, иногда их называют *mutambanevhu* (тот, кто «играет» с землёй). Они неустанно экспериментируют, и большинство их инноваций основаны на экономии воды.

Сбор поверхностного стока воды всё чаще становится эффективным решением в ходе адаптации к росту изменчивости осадков, учитывая, что в этих окраинных регионах говорят, что дождь начинается внезапно и так же быстро заканчивается. В сельской местности Зимбабве фермер, известный во всем мире как собиратель воды, покойный Зефанаих Фири, получил награду от журнала *National Geographic* за навыки сбора дождевой воды. Он собирал воду, которая текла по скале возле его дома. Он говорил: «Я пожёну воду и землю, чтобы они не сбежали и не ушли, а взрастили семью на моём участке». Это означало, что его инновации были нацелены на предотвращение разрушения почвы, гарантируя сохранение большей части воды для орошения посевов. Большинство мелких фермеров собирают сточные воды и направляют их к небольшим плотинам, которые строят у своих домов (см. илл. 1). Они используют воду для овощеводства. Другие, называющие себя «убийцами эрозии» (почв — прим. перев.), возводят стену в овраге, превращая её таким образом в небольшую плотину, которая также используется в целях садоводства (см. илл. 2), и тем самым они предотвращают разрушение оврагов.

В некоторых сельских районах Зимбабве неправительственные организации запустили программу почвозащитного земледелия (*Conservation Agriculture*, далее СА), чтобы помочь фермерам адаптироваться к изменению климата. СА основано на минимальном нарушении почвенного покрова и водосбережении. Большинство фермеров, практикующих СА, используют траву для мульчирования (см. илл. 3). Некоторые фермеры-новаторы,

1. Маленькая плотина на фермерском участке. Вода используется для полива плантации томатов.

>>

2. Небольшая плотина для борьбы с эрозией почвы.

следующие этой системе, применяют старые консервные банки для изготовления дождемеров (см. илл. 4) и ведут записи по их показаниям.

Рост климатической изменчивости в сельской местности Зимбабве приводит к разворачиванию такого явления как «голубая революция». Голубая революция — это разведение рыбы. Рыбоводство «зеленее», чем животноводство, в том смысле, что оно меньше способствует выделению парниковых газов. Приятно отметить, что рыбоводство становится основным видом деятельности в некоторых районах Зимбабве. Мелкие фермеры строят пруды для разведения рыбы на своих участках (см. илл. 5).

3. Фермеры используют траву для удобрения почвы.

4. Фермер использует практики почвозащитного земледелия. Как импровизированное устройство для орошения используется пустая консервная банка.

Есть фермеры, которые выращивают кур свободного выгула, или, как я их называю, «цыплят без границ». Разведение кур свободного выгула становится популярной адаптационной мерой для многих мелких фермеров, которые осознают, что и в бедственном положении есть свои преимущества. Эта идея основана на понимании того, что единственный разумный ответ на изменения — увидеть в них возможности. Некоторые фермеры выращивают до 2000 кур свободного выгула. Свой товар они продают в соседних городах, в частности, в столице Хараре, где существует большой спрос на цыплят, выращенных органическим способом. Поскольку этот бизнес является весьма оживленным, он даёт фермерам надежду на рост продаж их товара.

Предприимчивые фермеры диверсифицируют источники средств существования и собирают недревесные лесные продукты, такие как гусеницы мопане (личинки африканских бабочек — прим. перев.), которых местное население называет *amacimbi* (см. илл. 6). Гусеницы *amacimbi* — деликатес, и на рынке на него есть спрос. Вырученные средства используются для покупки продуктов питания и оплаты образования детей.

5. Пруд для рыбной ловли на фермерском участке.

6. Гусеницы мопане (*amacimbi*).

Мелкие фермеры играют ключевую роль в дискурсе адаптации к изменению климата. Они знают свою экологическую среду лучше, чем политики, и являются носителями знаний, которые можно использовать, чтобы помочь сообществам адаптироваться к климатическим изменениям. Лица, ответственные за разработку политики, должны взять на вооружение предлагаемые ими новаторские решения. ■

Автор фото: Кристофер Мабеза.

Адрес для связи: Кристофер Мабеза <cmmabezah@gmail.com>

> Эрик Олин Райт: реальный утопист¹

Майкл Буравой, Калифорнийский университет в Беркли, США

Эрик Олин Райт рассказывает о понятии «реальная утопия».
Rosa-Luxemburg-Stiftung (Фонд Розы Люксембург)/Flickr. Некоторые права сохранены.

Когда всё началось? Сложно сказать. Сам Эрик считал, что интерес к утопиям у него впервые появился в 1971 году, когда он учился в семинарии Униатской универсалистской церкви в Беркли, скрываясь от призыва в армию. Тогда он организовал студенческий семинар «Утопия и революция», где обсуждались перспективы революционной трансформации американского общества. Будучи студентом семинарии, Эрик вступил в организацию, выступающую за тюремную реформу, и работал капелланом в государственной тюрьме Сан-Квентин.

Всё это хорошо подготовило его к магистратуре в Беркли, где он учился в начале бурных семидесятых. В те дни активно развивался новый интеллектуальный проект — превращение социологии в марксистскую дисциплину, и Райт стал одной из ключевых фигур в этом деле. Таким образом, диссертация Эрика бросила вызов социологическому мейнстриму не по идеологическим, а по научным причинам. Он продемонстриро-

вал, что реконструированное марксистское определение класса лучше объясняет неравенство доходов, чем доминирующие в то время модели стратификации и теория человеческого капитала.

Бросая вызов мейнстримной социологии, Эрик одновременно занимался переизобретением марксизма. Долгое время проблемой для марксизма оставался средний класс: в теории он должен был постепенно исчезнуть, однако в действительности его численность постоянно возрастала. Совместно с Лукой Перроне Эрик решил теоретическую проблему, введя концепцию «противоречивых классовых позиций». Существует три противоречивых классовых позиции: мелкие наниматели, занимающие место между мелкой буржуазией и крупными капиталистами; эксперты и менеджеры, оказавшиеся между капиталистами и наёмными работниками; и наконец, полуавтономные работники, находящиеся между рабочим классом и мелкой буржуазией.

>>

В 1976 году Эрик получил должность доцента в Висконсинском университете в Мэдисоне и начал разрабатывать исследовательскую программу классового анализа. Методология массовых опросов, используемая в то время, не соответствовала новым понятиям, введённым Райтом, поэтому он организовал свой собственный национальный опрос, выявляющий классовые категории американского общества. Это была эра подъёма интереса к марксизму, и идеи Райта получили широкое распространение. Вскоре он организовал исследовательские команды в десятке других стран, развернув несколько параллельных опросов.

Научные труды Эрика Олина Райта, как и его жизнь, характеризуются решимостью действовать соответственно своей фамилии, т.е. правильно (*right*). Поэтому Райт не только инициировал тесный диалог между теорией и эмпирическими исследованиями, но и постоянно углублял внутреннюю логику своих аналитических схем. Эволюцию мысли Райта можно проследить по его работам, начиная с книги «Класс, кризис и государство» (*Class, Crisis and the State*, 1978). За этой работой немедленно последовала его диссертация «Классовая структура и детерминированность дохода» (*Class Structure and Income Determination*, 1979). Наконец, мы видим значительный концептуальный сдвиг, когда в работе «Классы» (*Classes*, 1985) Райт использует понятие эксплуатации Джона Рёмера и публикует ответ на критику в книге «Дискуссия о классах» (*The Debate on Classes*, 1989).

В 1981 году Эрик присоединяется к группе блестящих социальных учёных и философов, среди которых наибольшее влияние на него оказали философы Дж. А. Коэн и Филипп Ван Парейс, а также экономист Джон Рёмер. Все они были пионерами так называемого аналитического марксизма, более известного под просторечным названием «марксизм по-честному» (“no bullshit Marxism”). Стараясь прояснить основания марксизма, эти учёные беспощадно и жестоко критиковали работы друг друга.

Несмотря на то, что с самого начала у марксизма была аллергия на утопичное мышление, именно такого подхода потребовала политическая конъюнктура после 1989 г. И Эрик принял вызов. Вступив в конфронтацию с патетикой нового консерватизма, он разработал социалистическую повестку, изложив возможные альтернативы капиталистическому строю и обнаружив их ростки внутри капиталистического общества.

Новый проект Райта стартовал в 1991-м — в том году, когда рухнул Советский Союз. Эрик организовал серию конференций, где обсуждались «реальные утопии» — не гипотетический идеальный мир, а реальные альтернативы, действительно существующие в нынешних обществах. На конференциях обсуждались такие темы, как ассоциативная демократия, универсальные базовые социальные пособия и гендерное равенство. Тезисы докладов Эрик опубликовал в серии книг, которую завершала его выдающаяся монография «Воображая реальные утопии» (*Envisioning Real Utopias*).

Эрик стремился вернуть социологию к замыслу ее отцов-основателей — Марксу, Дюркгейму и Веберу, которые, в отличие от нынешних профессиональных учёных, не брезговали строить теоретические выкладки на основании нравственных ценностей. Прямым текстом Эрик заявлял, что цель социологии — понять институциональные возможности для реализации этих ценностей.

В последние годы своей жизни Эрик обнаружил, что реальные утопии выглядят весьма заманчиво в глазах активистов. Учёный стал много путешествовать по миру, общаясь с группами, которые были искренне заинтересованы в том, чтобы увязать свои проекты с его идеологическими и интеллектуальными концепциями. Поэтому он решил переписать книгу «Воображая реальные утопии», убрав оттуда все академические обсуждения. Так появилось руководство по антикапитализму, которое он метко назвал «Как быть антикапиталистом в XXI веке» (*How to Be an Anti-Capitalist in the 21st Century*).

Активисты гражданского общества с энтузиазмом восприняли этот проект. Учёный-интеллектуал выразил признание их работе, по большей части невидимой, и вступил в борьбу с капитализмом, несмотря на все депривации, оскорбления и карательные меры.

Эрик показал нам, как надо мыслить и как надо жить. Скажу прямо: я не знаю никого, чья мысль была бы яснее, доказательнее, стремительнее и непринуждённее; никого, кто с такой решительностью переходит к сути вопроса в любой публикации, любой работе, любой книге. Мы не сможем стать такими, как он, но можем вдохновляться тем, что он заложил, пойти по его стопам, следуя тем знакам, которые он оставлял на карте, и переосмысляя его наследие с каждым движением вперёд! ■

¹ Перевод сокращённой версии статьи, опубликованной в январе 2019 г. в журнале *Jacobin*. Оригинал: [см. здесь](#).

> Вспоминая Эрика Олина Райта

Мишель Уильямс, Витватерсрандский университет, ЮАР

Я лишь одна из многих, для кого Эрик Олин Райт был наставником, коллегой, другом и единомышленником. Много сказано о его большом интеллектуальном вкладе, его легендарном научном руководстве и наставничестве, его стремлении и преданности поиску альтернатив за пределами капитализма и его вкладу в марксизм. Я также присоединяюсь к этим словам, однако в настоящей статье хочу рассказать о своем личном опыте общения с Эриком-гуманистом с его многочисленными причудливыми страстями, заразительным воображением и любовью к творческому началу в человеке.

Впервые я встретила Эрика в конце 1990-х годов во время одного из ежегодных визитов к его ближайшему другу Майклу Буравому, моему научному руководителю (я училась в аспирантуре в Беркли). В одной из наших первых бесед Эрик сказал мне: «Ты знаешь, что я твой дядя». На что я ответила: «Правда? Я не понимаю». Тогда он объяснил, что Майкл был моим академическим отцом и его братом, поэтому Эрик стал моим дядей. Я сразу почувствовала, что таким образом он хочет включить меня в свой мир. Позже я осознал, насколько глубоким является это тёплое отношение Эрика к другим как членам его семьи — он всегда находил способы вовлечь людей в огромную сеть своих социальных связей, часто через вымышленное родство. С самого начала доброе участие Эрика помогало нам во всех наших начинаниях — когда он объяснял разницу между построением теории и развитием понятия, подчеркивая сложность этого процесса. Когда мы бесконечно обсуждали демократические импульсы коммунистических партий Южной Африки и в Керале. Когда мы погружались в дебаты о том, что составляет основу антикапиталистических трендов. Когда мы обсуждали наши любимые научно-популярные книги и фантастику, или спектакли (он любил политические пьесы, которыми известна Южная Африка). Когда мы изучали рецепты того, например, как сделать из знаменитой курицы *coq au vin* [курица в вине] вегетарианское блюдо (то, что он называл *coqless coq au vin* [курица в вине без курицы], к чему я весьма скептически относилась, пока не попробовала!). Эрик всегда общался увлечённо и весело. Его ежегодные визиты в Беркли были радостными моментами для учеников Майкла, потому что Эрик всегда очень вкусно готовил и приглашал нас в квартиру Майкла (тогда как в остальное время нам всегда приходилось приносить свою еду на встречи в квартире Майкла, поскольку сам он не готовит).

Мои отношения с Эриком стали еще ближе из-за нашего общего интереса к поиску антикапиталистических альтернатив, особенно в отношении кооперативов и экономики солидарности, которые мы исследовали с моим партнером

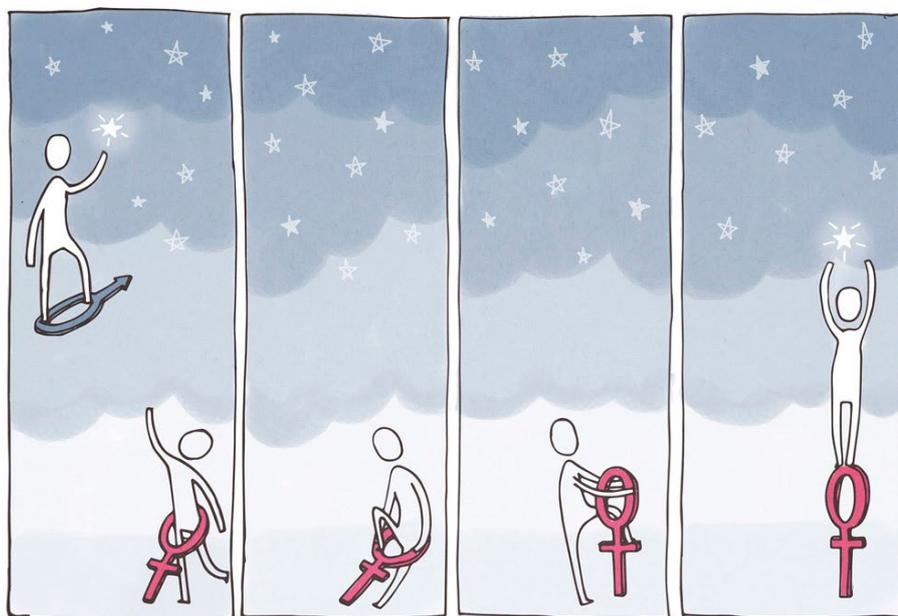
Вишвасом Сатгаром. Хотя мы сходились во мнениях относительно значимости продумывания конкретных альтернатив, в деталях мы не всегда были согласны друг с другом. Я часто не соглашалась с его категорическим аналитическим подходом, представляющим идеи культуры, важность смыслообразования и указывающего на беспорядочность реального мира. В этих спорах Эрик никогда не выражал какое-либо разочарование или неудовольствие, а скорее любил следовать за идеями, и даже мог создать у меня впечатление, что он не был несогласен с моей точкой зрения, но также не был и согласен. Он также был великодушным человеком — я знаю, по крайней мере, два случая, когда он написал благодарности авторам — Рохингтону Мистри и Закесу Мде — за их политически утопические произведения. Когда он увидел спектакль Мды *The Dying Screams of the Moon* [Предсмертные крики луны] во время одного из своих визитов в Йоханнесбург, он чуть не заплакал и сказал, что это лучший спектакль, который он когда-либо видел.

“Эрик всегда был общительным, любящим, увлечённым и гуманным человеком, а также одним из самых значимых социологов и марксистов нашего времени”

Хотя я познакомилась с Эриком в Беркли, на протяжении последних двадцати лет большая часть нашего дружеского общения проходила в поездках в отдалённые места: Кералу, Барселону, Гётебург, Буэнос-Айрес, Падуя, а также во время трёх его поездок в Южную Африку. Наша первая встреча после Беркли произошла в 2000 году в Керале (Индия), когда я только начинала свое полевое исследование. Именно в Керале я увидела, что Эрик легко устанавливает связи с людьми любого возраста, где бы он ни находился. Так, однажды он спел песню «Она спустится с горы» под хихиканье группы школьников в горной деревне Кералы. Возможно, что самая запоминающаяся встреча произошла, когда Майкл и Эрик были в Йоханнесбурге. За ужином, на котором были только мы троём, мне повезло наблюдать за тем, как они более часа говорят о марксизме. Интересным было не только содержание дискуссии, но и манера обсуждения. Эрик оставался невозмутим! На самом деле, на настроение Эрика практически ничто не влияло (включая недостаток сна, неудобства или утомительный график работы). По крайней мере, по моему опыту, Эрик всегда был общительным, любящим, увлечённым и гуманным человеком, а также одним из самых значимых социологов и марксистов нашего времени. Nambe Kahle [прощай (зулу — прим. перев.)], Эрик! ■

> Связь гендера и неравенства: вводные замечания

Биргит Риграф, Университет Падерборна (Германия), член ИК МСА по исследованию положения женщин, гендерных отношений и общества (ИК 32), **Лина Абирафех**, Ливанский Американский университет (Ливан), **Кадри Аавик**, Университет Таллинна (Эстония) и Университет Хельсинки (Финляндия)

Неравенство не является личной проблемой или частным делом неимущих и исключенных. Неравенство необходимо анализировать на структурном, политическом, социальном и экономическом уровнях. Фото: Нгуен Хай Ха/Flickr. Некоторые права сохранены.

Гендер и социальное неравенство являются ключевыми сферами исследования в социологии, гендерных исследованиях и других дисциплинах. Эти исследования продемонстрировали, что во всем мире женщины составляют большой процент бедного и маргинализованного населения. Согласно Докладу Мирового экономического форума 2018 г. глобальный экономический гендерный разрыв может быть преодолен лишь через 202 года.

Экономическое неравенство принимает различные формы. Так, например Глобальный доклад по проблеме гендерного разрыва за 2018 год ([The Global Gender Gap Report 2018](#)) показывает, что только в 41% стран женщины имеют право на землевладение. В профессиональной сфере лишь 34% женщин занимают позиции менеджеров. Гендерная оптика помогает увидеть роль женщин в сфере неформальной экономики. Женщины составляют большинство занятых в теневой экономике и, согласно данным Доклада, затрачивают в два раза больше времени, чем мужчины, на выполнение неоплачиваемой рабо-

ты. Поскольку занятость в неформальной экономике не поддается официальному регулированию, именно в этой сфере женщины оказываются в чрезвычайно уязвимой позиции и чаще становятся жертвами эксплуатации и злоупотреблений. Эти статистические показатели можно изменить с помощью осмысленной политики. При этом надо иметь в виду, что хотя сами женщины являются лучшими защитниками своих интересов, в политической сфере они представлены недостаточно. Только в семнадцати из 149 стран, данные по которым представлены в Докладе, женщины являются главами государств; в совокупности в этих странах 18 женщин-министров и 24% среди всех парламентариев.

Несмотря на значительный прогресс в отношении гендерного равенства, достигнутый в некоторых странах, все еще сохраняется существенный разрыв в возможностях продвижения для женщин, что объясняется их интерсекциональными идентичностями, определяемыми по таким критериям как расовая принадлежность, классовая позиция, сексуальная ориентация и ряду других.

>>

Хотя более привилегированные женщины выигрывают от прогрессивных тенденций, позиция представительниц других социальных групп остается прекарной. В конкретных государствах различия между женщинами, занимающими разное социальное и культурное положение, растут. Эти различия оказывают существенное влияние на социальную безопасность и возможности улучшения условий жизни женщин. Так, например, [данные ЮНИСЕФ](#) показывают, что материнская смертность в США является сравнительно низкой: по этому показателю США занимает 54 позицию из 182 стран, которые участвовали в обследовании. В то же время показатель материнской смертности черных женщин более, чем в три раза выше, чем соответствующий показатель для белых женщин (см. [данные Центров контроля и профилактики болезней](#)).

Хотя многие государства продолжают развиваться в этом направлении, профиль позитивных изменений существенно варьируется. Так, например, несмотря на то, что показатели гендерного разрыва в Ближневосточном и Северо-Африканском регионе являются самыми высокими, темпы позитивных изменений в этих странах существенно выше, чем в Северной Америке. По оценкам экспертов, Южно-Азиатский регион может свести на нет гендерный разрыв через 70 лет – то есть на сто лет раньше, чем Северная Америка, Ближний Восток или Северная Африка. Однако если мы более внимательно посмотрим на Южно-Азиатский регион, мы обнаружим, что эта статистика абсолютно не релевантна опыту перемещенных женщин народности рохинджа в Мьянме, которые живут в чрезвычайно прекарных условиях, вызванных этническими чистками. Подобная статистика заставляет нас поставить под вопрос определение и измерение прогресса в отношении гендерного неравенства.

Статьи этого номера ГД освещают социально-пространственные различия в масштабе и модальности гендерного неравенства. Наша задача представить общую картину этих динамично изменяющихся различий и открыть пространство для дальнейших исследований и обсуждений проблем гендерного равенства, опираясь на ориентиры социальных преобразований и политических мер, способствующих улучшению положения женщин в обществе.

Лииса Хусу в своей статье показывает, что, несмотря на прогрессивные изменения в положении женщин в сфере высшего образования, во всем мире сохраняется старый тренд: чем выше позиция, тем меньше женщин. В статье «Гендерные проблемы финансирования научных исследований» она обсуждает последствия недостаточной представленности женщин европейских и северных стран в сфере науки.

Бланка Ныклова в статье, посвященной повестке гендерного равенства в Чехии, показывает, как неолиберальная идеология и консервативные аттитуды формируют гендерное и социальное неравенство в Центральной Европе. Выявляя привилегированное положение одних женщин, которое создается за счет других, она использует понятие искаженной эмансипации (*distorted emancipation*).

Обсуждая гендерное неравенство в США, Маргарет Абрахам отмечает успехи и препятствия в борьбе за равенство. Она утверждает, что достижения в сфере равенства прав и возможностей не очевидны, и социальная активность и социологический анализ в этом направлении должны получить дальнейшее развитие.

Лина Абирафех обсуждает гендерные неравенства в Арабском регионе, который в течение долгого времени страдает от отсутствия безопасности в экономическом и политическом отношении. Она обращает внимание на социально-культурные барьеры и систему укорененного патриархата, которые препятствуют гендерному равенству. Такое токсичное сочетание обстоятельств тормозит, а во многих случаях и обращает вспять прогресс в отношении гендерного равенства. Этот регион не достигнет мира и благополучия до тех пор, пока арабские женщины не станут равноправными с мужчинами.

Статья Николы Пайпер посвящена гендерному изменению ранка труда и неравенству в азиатском контексте. Автор обращает внимание на устойчивые мощные движения населения в этом регионе, которые являются постоянным предметом внимания исследователей и политиков. Она показывает, что женщины-мигранты, как правило, находят работу в феминизированных секторах экономики, где довольно часто наблюдается нехватка правовых гарантий и социальной защиты. Эти проблемы и связанная с ними уязвимость являются основным аспектом гендерного неравенства в этом регионе.

Джефф Хирн анализирует результаты международной дискуссии о социальном прогрессе. Он фокусирует внимание на рекомендациях в отношении концептуализации гендера, представленные в Докладе, написанном по материалам этой панельной дискуссии. ■

Адреса для связи:

Биргит Риграф <birgitt.riegraf@uni-paderborn.de>

Лина Абирафех <lina.abirafeh@lau.edu>

Кадри Аавик <kadri.aavik@tlu.ee>

> Гендерные ВЫЗОВЫ в финансировании исследований

Лииса Хусу, Школа Экономики Ханкена (Финляндия) и Университет Эребру (Швеция), член правления ИК 23 МСА (Исследования в области социологии науки и технологий) член ИК 32 («Женщины, гендер и общество»)

Гендерное неравенство в академии и в исследовательской карьере является устойчивым феноменом и вызывает озабоченность во всем мире. До сих пор воспроизводится устойчивый паттерн неравенства, при котором чем выше социальная позиция, тем меньше доля женщин среди тех, кто ее занимает. Этот феномен сохраняется, несмотря на колоссальный прогресс положения женщин в системе высшего образования во всем мире. Как показывают данные Европейской статистики и статистики Северных стран, подавляющее большинство профессоров — мужчины, и темпы изменений в сторону более сбалансированного гендерного соотношения среди профессорского состава крайне низки.

> Является ли финансирование исследований гендерно нейтральным?

Доступ к финансированию исследований является ключевым условием карьерного продвижения в мире науки как для женщин, так и для мужчин. В большинстве стран этот показатель измеряется успехом в поиске внешнего финансирования, которого добиваются в жесткой конкуренции. Исследование гендерной динамики финансирования исследований не демонстрирует систематически более низкой успешности женщин в получении финансовой поддержки. Скорее наблюдается более сложная картина, для которой характерно несколько гендерных аспектов. Они касаются индивидуальных исследователей, исследовательских групп и университетов, самих спонсоров, содержания исследований и политики проведения исследования. Проблемы могут касаться также аллокации финансирования, гейткиперов, контролирующих доступ к финансированию, процесса рецензирования заявок, управления фондами, а также самих определений того, что считается высоко профессиональным и что именно высоко оценивается в академической работе. Современные эмпирические исследования, посвященные гендеру и финансированию, выявили не-

обходимость критического комплексного всестороннего анализа всего цикла финансирования и его условий.

Комплексное понимание гендерной динамики финансирования предполагает анализ всего цикла финансирования и изучения потенциала гендерных паттернов в следующих аспектах: поведение заявителя (соискателя финансирования), пул заявителей (те, кто может претендовать на финансирование), состав исследовательского коллектива, инструменты финансирования, тексты заявок, процедуры оценки, потенциальные предпочтения при оценке, привлекаемые рецензенты, критерии успеха, объем запрашиваемого и полученного финансирования, содержание исследования, политика доноров в целом и в отношении гендерного равенства, общая прозрачность системы финансирования, отслеживание и доступность статистики по гендеру, и последствия финансирования для долгосрочных карьерных планов заявителей.

Особый интерес представляют так называемые инструменты финансирования, ориентированные на показатели «передовой науки»: центры перспективных исследований, различные инициативы экселланса, поддержка именных профессур и тому подобное. Несколько эмпирических исследований и мониторингов показали, что эти инициативы часто организуют исследователи-мужчины даже в таких странах, как Швеция, которые демонстрируют в целом более высокий уровень гендерного равенства.

В получении финансирования важную роль играют формальные и неформальные академические сети. Во многих отраслях науки финансирование исследований носит групповой, а не индивидуальный характер. Именно поэтому, обсуждая гендерные аспекты финансирования, необходимо обратить внимание на гендерные паттерны формирования академических сетей и интеграции в поле науки.

“Наличие или отсутствие политической воли играет большую роль в том, насколько фонды поддерживают гендерное равенство или учитывают гендерные аспекты финансирования”

> Опыт Европы

Финансирование — это один из ключевых вопросов региональной политики в отношении исследований. Гендерные аспекты финансирования исследований стали обсуждаться на уровне ЕС и национальной политики некоторых европейских стран в конце 1990-х – 2000-х годах. Финансирование исследований Европейского Союза с 1980-х годов организовано через механизм «рамочных программ». Первые такие программы не включали проблематики социальных наук, социальные аспекты рассматривались лишь как вспомогательные при исследованиях технологий, а гендерное измерение вообще оставалось без внимания. Только начиная с четвертой рамочной программы (1994–1998), ЕС начал финансирование социальных исследований; в это же время гендерная проблематика также стала на повестку дня. Постепенно с конца 1990-х годов наблюдается расширение финансирования в этом направлении. Сначала была поддержана тематика «женщины в науке», а затем в целом стало поддерживаться направление «гендер в науке», включая гендерное измерение в различных сферах исследования. Эти аспекты дополняли традиционную исследовательскую проблематику гендерного баланса состава исследовательских коллективов и руководителей.

В 2009 году в рамках европейской программы был опубликован первый систематический обзор, посвященный гендерным аспектам финансирования в тридцати трех странах. Это исследование продемонстрировало сильнейшую вариативность национальных исследовательских политик в отношении гендера. Различия в гендерной политике разных фондов различаются в диапазоне от «относительной пассивности» и отсутствия фактически всякого мониторинга по вопросу гендерных различий до разработки программ, включающих отслеживание этого параметра и активного вовлечения в поддержку гендерного равенства на уровне национального финансирования исследований. Этот последний тип поддержки наблюдается в небольшом числе стран, среди которых страны Северного региона Европы.

Европейский Исследовательский Совет (ЕИС) — флагман европейских исследований — был образован в 2007 с целью финансирования перспективных исследований на начальной ступени карьеры, в середине карьеры ученого и уже на уровне продвинутой карьеры во всех дисциплинах. Бюджет этой поддержки составляет €13.1 млрд. на период 2014–2020 годов. Однако, несмотря на гендерную сензитивность исследовательской политики ЕС,

ЕИС сначала не руководствовался в своей деятельности принципами гендерного равенства. И когда ЕИС, в конце концов, начал отслеживать гендерный аспект финансирования, то результаты по 2007–2013 годам показали, что на начальной стадии карьеры успешность мужчин-заявителей составляла 30%, а женщин 25%. Среди грантополучателей на более поздних уровнях развития карьеры показатель успешности для мужчин составлял 15%, а для женщин 13%. Только в одной сфере не было выявлено гендерных различий для грантов начала карьеры — в физических и инженерных науках, то есть там, где преобладают мужчины. Явно выраженные гендерные различия в показателях успешности в пользу мужчин были обнаружены в сферах, где традиционно много женщин, т.е. в науках о жизни, гуманитарных и социальных науках.

Наличие или отсутствие политической воли играет большую роль в том, насколько фонды поддерживают гендерное равенство или учитывают гендерные аспекты финансирования. Так, например, Северные страны занимают сравнительно высокие ранги по критериям гендерного равенства, а также по глобальным индексам инноваций. В Норвегии и Швеции гендерное равенство является одним из приоритетов финансовой политики в отношении исследований. В Швеции общественные фонды, поддерживающие исследования, например Шведский Исследовательский Совет и Национальное Агентство Инноваций «Виннова», руководствуются правительственными директивами в отношении гендерного мейнстриминга. Отслеживая тренды в этом отношении, шведские доноры используют не только статистику, но и инструменты качественных социальных исследований, в том числе и результаты наблюдений на собраниях финансовых комитетов.

В Финляндии, Швеции и Норвегии политика гендерного баланса в советах исследовательских фондов стала результатом целенаправленной гендерной политики. В то же время во многих европейских странах эти советы все еще в основном состоят из мужчин. Гендерный баланс в советах фондов — это не просто вопрос равного представительства и справедливости. Равное представительство на позициях гейткиперов важно потому, что оно обеспечивает получение инсайдерского знания того, как работает система финансирования, и запускает механизм создания академических социальных сетей, связывающих тех, кто вовлечен в этот процесс. ■

Адрес для связи: Лииса Хусу <liisa.husu@oru.se>

> Проблемы гендерного неравенства в Чехии

Бланка Ныклова, Институт социологии Чешской Академии Наук, Республика Чехия

MASARYKOVA UNIVERZITA
FAKULTA SOCIÁLNÍCH STUDIÍ

 Genderová studia FSS MU

Логотип расформированного факультета
гендерных исследований в Брно.

В этом году исполняется 30 лет со времени разрушения железного занавеса в регионе европейской полупериферии. Иными словами можно говорить о тридцатилетии неолиберализации, которая считалась единственным возможным способом перехода к демократии. Движение к демократии рассматривалось как достижение меритократического порядка, уничтожение прежних структур власти, основанной на членстве в Коммунистической партии. СМИ того времени показывают, что люди горячо приветствовали меритократию, которая оправдывает неравенство, основанное на принципе личных заслуг. Меритократия рассматривалась как способ преодоления разрыва между полупериферийными обществами и геополитическим центром. И что мы видим сейчас? Во главе Республики Чехии стоит премьер-министр — олигарх, который до 1989 года был сотрудником службы безопасности. Как большинство чешских миллиардеров, в ходе приватизации он, скорее всего, смог перевести привилегии той позиции, которую он занимал до 1989 года, в ресурсы экономической власти. В то же время почти 10 процентов населения оказываются вовлеченными в долговые спирали, намеренно созданные законодательством, насильственно отчуждающим имущество. Благодаря этому опасному для граждан законодательству в Чехии на сегодняшний день насчитывается 70 000 бездомных, а более 120 000 граждан находятся под угрозой лишения жилья. В этой статье я хочу выделить несколько последствий политической рациональности, лежащей в основе неолиберализации, которые напрямую связаны с вопросами социального и гендерного неравенства. Я фокусирую внимание на центральноевропейских странах вышеградской группы, в особенности на Чехии. Используя методологию гендерных исследований, я также рассмотрю влияние этой рациональности на вопросы равенства и справедливости.

Неолиберализм стал концептуальным кодом, который объясняет причины неравенства, в том числе и гендерного, в современном глобализирующемся мире. В целом неолиберализм понимается как возвращение к принципам свободного рынка как последнему основанию всех сфер жизни. Критическая теория пытается противостоять этому

упрощенному толкованию, обращаясь к тому, как такого рода идеи функционируют в конкретных сферах жизни. В 1998 году французский антрополог Пьер Бурдьё интерпретировал неолиберализм как тенденцию разрушения коллективных форм и токсичную атомизацию рабочей силы. По мнению исследователя, эта тенденция разрушает способность индивидов сопротивляться силам глобального капитала.

> Неолиберализация и гендер в странах Вышеградской группы

Вышеназванные авторы обращаются к конкретным примерам, хотя часто считается, что они предлагают универсально достоверную теорию неолиберализма, что приводит к призывам контекстуализированного исследования феномена. Центральноевропейские страны Вышеградской группы являются лабораторией, в рамках которой можно наблюдать последствия дифференцированного применения инструкций по продвижению демократии, подготовленных такими учреждениями, как Международный Валютный Фонд и Мировой Банк. Критические исследования неолиберализма в его геополитически специфических формах приобретают особую популярность, начиная с 2000х годов. Анализ гендерного неравенства и его трансформации показывают, что современный проект эмансипации привел к тому, что Зузанна Ухде называет «искаженной эмансипацией», т.е. ситуацией, когда улучшение позиций отдельных групп женщин становится возможным за счет других категорий женщин, благодаря коммодификации прежде нерыночных сфер деятельности, таких, как, например, труд заботы. Исканная эмансипация не только является неполной, но порождает новые формы несправедливости, с которыми невозможно справиться без выяснения того, какую роль в их воспроизводстве играет капитализм.

В Чехии женщины составляют 20% членов Парламента; гендерный разрыв составляет 22% и достигает 10% на уровне одного предприятия и одной профессиональной позиции. Родительским отпуском по уходу за ребенком, который в Чехии является одним из самых длительных в мире,

пользуются в основном женщины (98,5% отпусков берут матери). Среди семей с одним родителем насчитывается 90% материнских семей. Начиная с 1989 года, женщины сталкиваются с растущим уровнем экономической нестабильности; они непропорционально больше сталкиваются с рисками бедности. Пожилые женщины находятся в положении наивысшего риска бедности, при чем эта ситуация ухудшается в отдельных регионах страны и для конкретных этнических категорий (и для мигрантов). Крайне важно то обстоятельство, что гендерная культура в Чехии, как и в других странах Вышеградской группы, характеризуется консерватизмом и сексизмом, что позволяет сохраняться искаженной эмансипации, которая фактически не встречает сопротивления. Даже экономические проблемы региона иногда объясняются женской эмансипацией и политической ее продвижения.

Исследователи, занимающиеся гендерной проблематикой, показали, что консервативные гендерные отношения и неолиберализм поддерживают друг друга. Радка Дудова и Хана Хашкова показывают, что отпуск по уходу за ребенком после 1989 года является простым продолжением социальных поддержек предыдущего периода и становится частью политики рефамилизации. Либора Оутс-Индручова и Хана Хавелкова обращают внимание на непризнаваемый вклад женского и феминистского движений в эмансипационные политики коммунистического периода. Катерина Лишкова показывает как двойной стандарт в отношении сексуальных практик, вновь закрепившийся в медицинском дискурсе в 1960-е годы, продолжает превалировать до сих пор. Все эти выводы были сформулированы на основе эмпирических исследований, проведенных в рамках гендерных штудий на основании феминистского подхода.

> Судьба гендерных исследований

Судьба гендерных исследований в регионе может помочь нам понять устойчивость и мутации гендерного неравенства в рамках демократического проекта, основанного на неолиберализме. Институционализация дисциплины была связана с финансовой поддержкой локального феминизма американскими и европейскими донорами в контексте нехватки местного бюджетирования. Гендерные исследования появились в двух главных чешских университетах примерно в 2004 году, частично благодаря окну возможностей, порожденному неолиберальными реформам в системе высшего образования, которые были ориентированы на рост числа студентов. Однако та же самая политическая рациональность стала фасилитатором нынешнего расформирования программ гендерных исследований и не только в Венгрии, но и в Чеш-

В Венгрии продолжается наступление на исследовательские и образовательные проекты, которые не соответствуют неолиберальной эвристике. Та же картина наблюдается в Чехии и других европейских странах. Фото: Christopher Dombres/Flickr. Лицензия Creative Commons.

ской Республике. Закрытие таких программ оказывает негативное влияние на саму возможность проводить гендерно ориентированные исследования в ЦЕ. Как справедливо отметила Венди Браун, неолиберальная рациональность, в конечном счете, оказывается нормативной — правила рыночной логики не просто подразумеваются, но активно институционализируются, вытесняя типы рациональности, основанные на иных ценностях, вытесняя рациональность эмансипации, которая лежит в основе множества феминистских проектов. Необходимо учитывать специфику региона, который является гендерно консервативным и где чрезвычайно легко отбрасываются любые откровенно политические действия, ориентированные на преодоление социального неравенства. В этом регионе борьба с неравенством в социальных отношениях часто описывается как продолжение коммунистических паттернов социальной инженерии. В этом контексте неолиберальная политическая рациональность первоначально хорошо сочеталась с задачами феминистской политики, в том числе и с задачами институционализации гендерных исследований. Запрещение гендерных исследований в Венгрии объясняется именно с позицией неолиберальной политической рациональности, но представляет ее как экономическую логику, а значит как аполитичную. В качестве экономического аргумента в пользу закрытия ГИ в Венгрии выдвигался ложный тезис об отсутствии спроса на выпускников этих программ на рынке труда. Такая аргументация служит политическим целям подавления возможной социальной критики и росту популярности антигендерного движения (оно описано в одном из номеров ГД в статьях Агнешки Графф и Эльжбеты Корольчук, см. [здесь](#)). В Чехии закрытие Программы гендерных исследований в Брно в 2018 году оправдывалось тем, что эта программа «не приносит доходов», т.е. не привлекает студентов в той системе образования, которая базируется на подсчете численности охвата.

Поражает сходство между этими двумя случаями, несмотря на то, что эксплицитная мотивация закрытия программ была различной. В Венгрии дисциплина описывалась как явно идеологизированная, а потому ненаучная. Таким образом, выдвигался политический аргумент в пользу закрытия программы ГИ. В Брно, напротив, руководство университета институционализовало неолиберальную политическую рациональность, стараясь объяснить этическое обоснованность своего решения. Чтобы в полной мере противостоять гендерному неравенству — не только его экономической ипостаси, но и терпимости в отношении сексуального насилия и сексуальных домогательств со стороны общественных деятелей и политиков, — необходимо проявить его укорененность в неолиберальной политической рациональности. Если мы хотим успешно противостоять нормативным догматам неолиберализма, мы должны признать эту взаимозависимость, поскольку в противном случае произойдет уничтожение нормативной логики, лежащей в основе феминистской критики социального и, в особенности, гендерного неравенства. Тридцатилетие, последовавшее за событиями 1989 года, ясно показывает, что неолиберальная политическая рациональность терпит поражение, сталкиваясь с проблемой преодоления неравенства, поскольку на самом деле она заточена под то, чтобы защищать его реальные основания. ■

Адрес для связи: Бланка Ныклова <blanka.nyklova@soc.cas.cz>

> Устойчивость и изменения: гендерное неравенство в США

Маргарет Абрахам, Университет Хофстра (США), Президент МСА 2014–2018, член ИКО5 «Расизм, национализм, индигенность и этничность», ИК31 «Социология миграции», ИК32 «Женщины, гендер и общество» и ТГО3 «Права человека и глобальная справедливость»

В 2017 и 2018 годах Женский Марш и другие протестные движения активно выступили против глубоких систем угнетения и эксплуатации. Фото: miawicks9 (Pixabay).

В 116-й Конгресс США в ноябре 2018 года было избрано рекордное число женщин. На этих выборах впервые победили две коренные американки, две мусульманки, первая открыто бисексуальная женщина, а также самая молодая женщина за все время участия женщин в выборах в Конгресс. На пост спикера Конгресса также была переизбрана женщина. 5 февраля 2019 года Стейси Абрамс, проигравшая в противоречивой гонке на губернаторское место, совершила историческое действие, став первой афро-американкой, которая выступила с ответом на Послание Президента США. Абрамс говорила о необходимости бороться с расизмом, давлением на избирателей, призывала к решению проблем мигрантов и выступила с резкой критикой президента Трампа за приостановку работы правительства, которая вызвала серьезный неоправданный стресс и негативно повлияла на американцев.

Борьба и победа, очевидные на этих примерах продвижения женщин в политике, заставляют нас поставить более широко вопросы о гендерном равенстве и справедливости. Эти малые победы связаны с длительной историей коллективной борьбы против гегемонных структур, против глубоко укорененных систем и культур угнетения и неравенства, которые существуют в обществе. Маленькие победы внушают надежду, но они недостаточны. Мы должны продолжать содействовать социальной трансформации и структурным изменениям.

> Американский контекст

Несмотря на участие большего числа женщин в работе Конгресса, США является страной с укорененным [гендерным неравенством](#).

- По-прежнему наблюдается разрыв в оплате труда между мужчинами и женщинами, при этом белые женщины зарабатывают на 20% меньше, чем мужчины, а цветные женщины еще того меньше.
- Рабочие места, на которых заняты в основном жен-

>>

щины, — в сфере обслуживания и детского воспитания — оказываются на самых низких ступенях лестницы оплаты труда.

- В американской экономике мужчины составляют подавляющее большинство наиболее высоко оплачиваемых занятых.
- Согласно данным Института Анализа Политических Программ и Мирового Банка, женщины выполняют вдвое больше неоплачиваемой работы, чем мужчины. Неоплачиваемая работа включает заботу о детях, пожилых и ведение домашнего хозяйства.
- Медианный объем [сбережений](#) в 2017 году составляет \$123000 для мужчин и \$ 42000 для женщин.
- По данным Американской Ассоциации Женщин с Высшим Образованием, совокупная цифра долга черных выпускниц американских университетов выше, чем у представителей любой другой демографической группы.
- Данные Бюро Статистики США показывают, что цветные женщины относятся к самой бедной категории американских граждан.
- Безработица у трансгендеров в три раза выше средней по стране.
- [Среди заключенных](#) число афроамериканских женщин в два раза больше, чем белых женщин; среди заключенных доля афроамериканцев превышает долю белых в пять раз.
- Каждая третья американская женщина, по данным опросов, хотя бы однажды в жизни подвергалась [сексуальному насилию](#).

> Движение вперед

21 января 2017 года под лозунгами «Женского марша на Вашингтон» миллионы людей в США и во всем мире вышли на улицы с протестами против избрания Трампа. Это было продолжением той работы, которую вели различные общественные движения, и женское движение в том числе, в течение многих лет. Среди протестующих были представители движений #BlackLivesMatter, #SayHerName, #MeToo. В течение многих лет эти группы, как и другие организации, мобилизовали и сделали центральной для политической борьбы категорию «интерсекциональности» (понятие, разработанное Кимберли Креншоу) и связанное с ним широкое зонтичное понятие взаимозависимых и накладывающихся друг на друга матриц угнетения. Масштаб Женского марша продемонстрировал коллективную силу, потребность глобального сообщества сопротивляться устойчивости и превалированию патриархальных и мизогинистических структур в государстве и обществе.

В 2017 и 2018 годах Женский марш и другие протестные движения выступили против глубоко укорененных систем эксплуатации. Молодое поколение использует технологии и множественные средства мобилизации и роста внимания к проблемам репродуктивных прав, гендера, интерсекционального насилия, прав мигрантов, трудовых прав, гражданских прав, расовой справедливости, свободы слова, охраны окружающей среды проч. Они создают ситуацию, которая порождает надежду, но и порождает проблемы. Чтобы гарантировать необратимость

изменений, достигнутых благодаря малым достижениям и сейсмическим сдвигам, необходимо, чтобы их поддержало большинство граждан, большая часть общества.

Исследования и общественные движения показали, как глубоко государство и социальные системы связаны с гендерным неравенством и угнетением. Насилие против женщин, насилие, основанное на гендере, являются результатами гендерного неравенства, неравного распределения власти, злоупотреблений властью и контролем. Гендерное насилие является системным, оно коренится в патриархате. Оно также является интерсекциональным как по происхождению, так и по своим последствиям. Патриархатные структуры и свойственные им отношения должны быть проблематизированы. Им нужно противостоять.

Чтобы изменить существующий порядок вещей, необходимо следовать интерсекциональному подходу в демонтаже всех форм неравенства и угнетения: расового, экономического, по состоянию здоровья. Все они являются частью патриархатных структур и свойственных им практик и историй. Мы должны научиться распознавать механизмы разъединения и близорукие способы разделения сообществ, чтобы оказать им сопротивление. Эти механизмы разъединения способствуют тому, что уязвимые сегменты населения конкурируют друг с другом, и именно в этом заинтересованно привилегированное меньшинство. Мы должны изобрести новые формы противостояния тем силам, которые сопротивляются равенству и справедливости и наносят вред не только людям, но и всей планете.

В поисках альтернативных парадигм нам могут помочь те социологические перспективы, которые сензитивны в отношении многообразия голосов. Социология уже внесла свой значимый вклад в исследования гендерного неравенства, но многие вопросы еще не изучены. Перед социологами стоит задача обратиться к следующим вопросам. Как социологическое воображение может осмыслить неравенство в рамках нашей собственной дисциплины и в рамках конкретных социальных институтов? Какие теории и аналитические инструменты могут способствовать демонтажу системного неравенства? Как можно избежать эффектов кооптации, создаваемых формами финансирования, которые воспроизводят неравенства? Как наши исследования могут преодолеть неравенство? Каким образом социология может поддерживать в сознании граждан надежду на то, что будут услышаны разные голоса, несмотря на существующие разделения, которые поддерживаются и воспроизводятся политическими программами и инструментами. Может ли в принципе социология и другие научные дисциплины с помощью исследований и действий предложить реальные решения по достижению истинного равенства и социальной справедливости? Чтобы равенство превратилось в осуществленную мечту, необходимы как мелкие шаги, так и сейсмические сдвиги. ■

Адрес для связи: Маргарет Абрахам
<Margaret.Abraham@Hofstra.edu>

> Гендер и неравенство в Арабском регионе

Лина Абирафех, Американский университет Ливана, Ливан

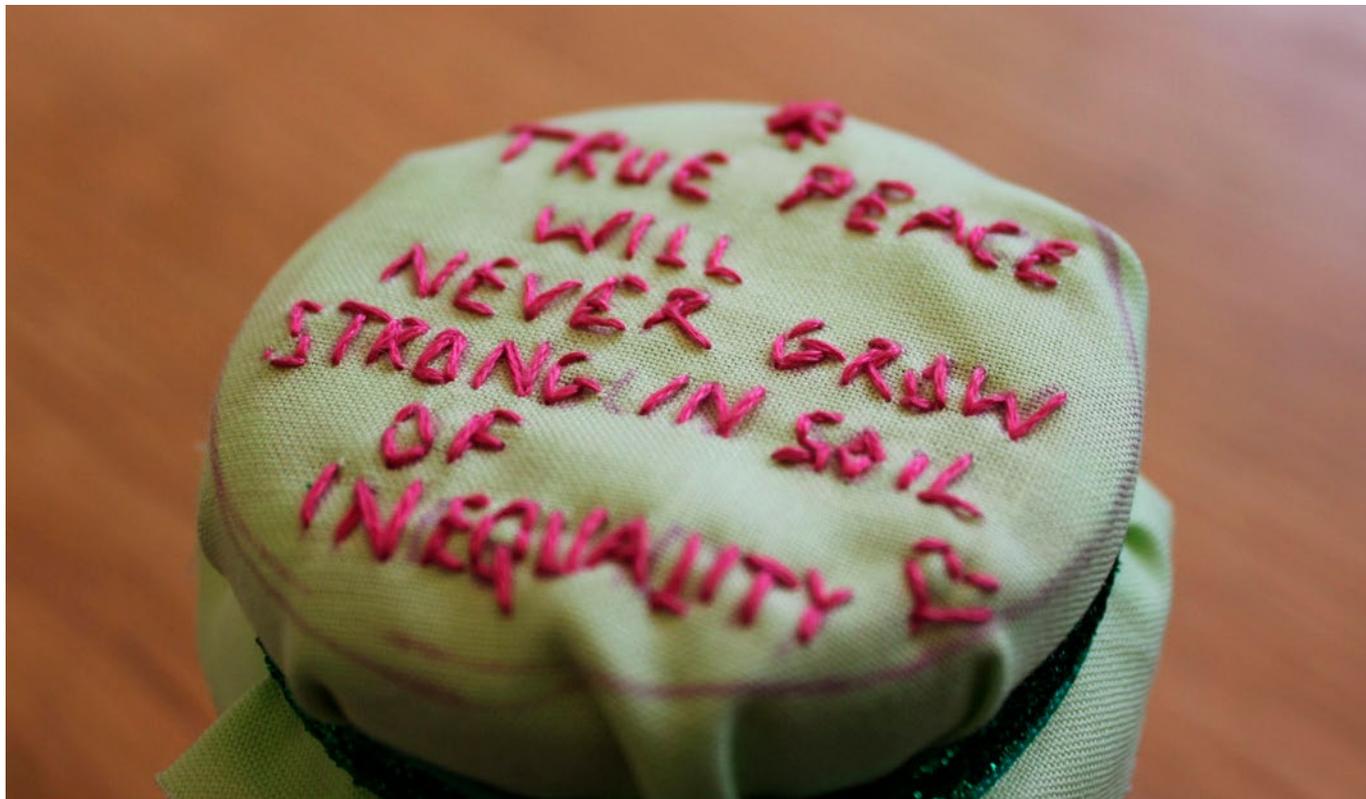

Фото: Жасмин Фаррам.

В целом, гендерный разрыв является феноменом глобального масштаба, однако Арабский регион демонстрирует свою специфику в этом отношении. Здесь наблюдается не только самый большой разрыв, но и обнаруживаются существенные проблемы, связанные с осмыслением гендерного неравенства и борьбой с ним. Регион страдает от длительной экономической и политической нестабильности, которая сочетается с социально-культурными барьерами и системой глубоко укорененного патриархата. Это токсичное сочетание обстоятельств тормозит, а во многих случаях и обращает вспять прогрессивные изменения в отношении гендерного равенства.

Такое положение дел еще более осложняется множественными затянувшимися гуманитарными кризисами в Сирии, Йемене и Ираке. Нестабильность становится нормой жизни во всем регионе. Эти конфликты разрушили системы социальной защиты, снизили доступ к безопасным надежным сервисам и поддержке, переместили сообщества и усилили уязвимость женщин. Во время конфликтов цели гендерного равенства быстро исчезают из повестки.

Доклад о глобальном гендерном разрыве, представленный на Мировом Экономическом Форуме в 2018 году предлагает критический анализ масштабного гендерного

неравенства в Арабском регионе. В этом Докладе представлены данные по четырем измерениям — (1) экономическим показателям, участию и возможностям; (2) образованию и достижениям; (3) здоровью и выживанию, а также (4) политическому представительству. В настоящее время совокупный гендерный разрыв в регионе оценивается в 68%. Это означает, что регион должен набрать еще 32%, чтобы разрыв сошел на нет. Наиболее далеки от целей гендерного паритета страны Ближнего Востока и Северной Африки — в них гендерный разрыв достигает соток процентов.

Что касается стран Залива, таких как ОАЭ и Кувейт, то они снизили показатели разрыва за счет показателей экономического участия и состояния здоровья женщин. Но разрыв остается существенным в сфере оплаты труда. Катар увеличил политическое участие женщин. Если в 2017 в Парламенте страны не было ни одной женщины, в 2018 году их доля достигла 10%.

Интересны данные по Саудовской Аравии. Здесь показатели гендерного равенства остаются низкими, но увеличилось число женщин, занятых в сфере оплачиваемого труда и снизилось неравенство в оплате труда между мужчинами и женщинами. Однако в этой стране сохраняются такие системы угнетения как мужское опекуновство, ограничивающее свободу женщин и их право на мобильность.

>>

Иордания и Ливан демонстрируют те же показатели, что и в прошлом году, несмотря на то, что доля женщин в Парламенте Ливана незначительно увеличилась. Масштаб гендерного разрыва увеличился в Омане в связи со снизившимися показателями экономического участия женщин.

В Египте, Саудовской Аравии и Йемене женщины занимают только 7% управленческих позиций. В этих странах наблюдается наибольший гендерный разрыв во всем мире. Из 18 стран в регионе, данные по которым представлены в Докладе, в 12 странах показатели гендерного разрыва выросли. Если исходить из нынешних темпов социальных изменений в отношении гендерного равенства, гендерный разрыв может быть преодолен лишь через 153 года.

> Гендерное неравенство в Ливане

Хотя на первый взгляд на общем фоне Арабского региона Ливан выглядит достаточно прогрессивно, это общество демонстрирует общие для региона характеристики гендерного разрыва. В Докладе показано, что Ливан — одна из тех стран, где положение женщин одно из худших в мире. В списке десяти стран, показатели которых в отношении гендерного неравенства являются самыми удручающими на глобальном фоне, мы видим Саудовскую Аравию, Иран, Мали, Демократическую республику Конго, Чад, Сирию, Ирак, Пакистан, Йемен и — Ливан. По данным 2017 года Ливан занимал по этому рейтингу 137-е место из 144 стран. В 2018 году Ливан занимал 143-е место из 149 стран, то есть его рейтинг был ниже, чем у соседних арабских стран, включая Египет, Тунис, Марокко, Иорданию и Бахрейн.

Гражданские конфликты в стране, политический тупик и экономическое лимбо сделали повестку гендерного равенства второстепенной. Хотя создается впечатление, что страна стала более либеральной и прогрессивной для женщин, реальность далека от идеалов равенства.

Ливан ратифицировал основные международные конвенции, включая Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, а в 1995 году подписал Декларацию и Платформу действий, принятые на Пекинской Конференции ООН по положению женщин. В стране был создан национальный механизм продвижения женщин — Национальный Комитет Ливанских Женщин в 1998 году и Министерство по делам женщин в 2016 году. Ливан продолжает разрабатывать Национальную стратегию гендерного равенства, которая не получает финансирования и фактически не исполняется. По критериям гендерного равенства страна находится среди наиболее отстающих в своем развитии.

Участие женщин в политической жизни остается неприемлемо низким. В июне 2017 года парламент страны отклонил предложение о тридцатипроцентной квоте для женщин. Это стало существенным поражением активистов, продвигающих права женщин. В ливанском Парламенте, включающем 128 мест, только шесть женщин. Ливанские женщины по-прежнему включаются в политическую деятельность как «женщины в черном», т.е. как вдовы бывших политиков, а не как самостоятельные акторы, продвигающие свою собственную повестку. В связи с этим они по-прежнему воспроизводят интересы той группировки, к которой принадлежат, а не продвигают феминистские интересы, и таким образом только усиливают те расколы, которые в течение длительного времени пронизывают жизнь ливанского общества.

Несмотря на высокий уровень грамотности и образования среди ливанских женщин, гендерный разрыв остается

крайне выраженным в сфере экономического участия и возможностей продвижения. В 2017 году женщины составляли 25% всех занятых, что отображает высокую степень гендерного неравенства рабочей силы. Доля безработных женщин среди взрослого населения в два раза превышает процент безработных мужчин. Политика занятости и законы не защищают равенство возможностей, принципы равной оплаты за равный труд или баланс занятости и семейной жизни. Ливанские женщины по-прежнему остаются недостаточно использованным экономическим ресурсом, который чаще всего задействован в феминизированных секторах и в неформальной экономике — что подразумевает неадекватное вознаграждение, отсутствие минимальной социальной защиты или низкую безопасность труда. Кроме того, женщины недостаточно представлены на более высоких должностных позициях, особенно в тех секторах, где доминируют мужчины.

Реформаторские усилия тормозятся пятнадцатью различными законами, которые регулируют жизнь в различных религиозных общинах Ливана. Эти Законы о личном статусе определяют судьбу женщин, регулируя брачные отношения, развод, наследование, родительские права и проч. Закон о личном статусе является самым очевидным выражением глубоко укорененного патриархата. Законодательство утверждает неравенство между супругами и откровенно дискриминирует женщин во всех сферах жизни. В результате телесный опыт женщин и вся их жизнь становятся объектом различных религиозных судов страны.

Правовая система Ливана предоставляет защиту против некоторых форм гендеризированного насилия, но поскольку отсутствует устойчивая система инфосмента, ориентированная на принципы гендерного равенства, случаи насилия постоянно воспроизводятся. Насилие со стороны близкого партнера является наиболее распространенной формой гендерного насилия в стране. В 2014 Ливанский Парламент принял Закон о защите женщин и других членов семьи от домашнего насилия, но этот новый закон не признает в качестве преступления изнасилование в браке.

В 2017 году Парламент отменил ст.522 Уголовного Кодекса, которая допускала прекращение судебного разбирательства в отношении насильника, если он женится на жертве. Кроме того, в 2017 году в Парламент был представлен законопроект, криминализирующий сексуальные домогательства в публичных местах и на работе. До сих пор этот законопроект не принят.

Несмотря на все усилия правозащитников, не принят закон, запрещающий браки с несовершеннолетними. Таким образом, в этом вопросе сохраняется власть религиозных судов. Этот вопрос становится более актуальным в связи с притоком беженцев. Доля браков с несовершеннолетними растет среди сирийских беженцев, что является результатом непрекращающегося кризиса. Девушек принуждают к браку и в этом отношении они не защищены законом. Этот феномен напоминает о том, что бегство от конфликта (которое совершают беженцы) не обязательно сопровождается безопасностью женщин и девушек.

Ливанское общество отражает специфику всего Арабского региона. Достижение равенства требует огромных усилий. Регион должен стремиться к ускорению темпов перемен. Ждать 153 года — это не выход. ■

Адрес для связи: Лина Абирафех <lina.abirafekh@lau.edu>

> Гендерно-дифференцированный труд и неравенство в азиатском контексте

Никола Пайпер, Университет королевы Мэри в Лондоне (ВБ), член ИК 19 «Исследования проблем бедности, социального благополучия и социальной политики»

Азия представляет собой пространство миграции «с Юга на Юг», то есть пространство межрегиональной миграции. Согласно оценкам МОТ, в 2013 году в мире насчитывалось 150,3 млн. трудовых мигрантов, из них 83,7 млн мужчин и 66,6 млн женщин. По данным ООН, число женщин-мигрантов в Азиатском регионе составляет 42,7% по сравнению с глобальной долей 48,4%. Эти процессы в значительной степени вызваны резким ростом числа и доли мужчин-мигрантов в Азии по сравнению с ростом женской миграции.

В период между 1990 и 2000 гг. в Азии существовало только три из десяти основных двусторонних коридоров миграции. В 2017 году их число увеличилось до шести. Миграционный коридор между странами прибытия из субрегиона Залива (Западная Азия, по классификации ООН) и отправляющими странами Юга и Юго-восточной Азии чрезвычайно значим, поскольку в странах Залива проживает очень высокий процент не-граждан. В Катаре и ОАЭ доля мигрантов чрезвычайно высока: она составляет соответственно 90% и 88% населения этих стран. Многие мигранты приехали из стран континента, и все большее число пребывает из Африки. Другие регионы Азии, привлекательные для мигрантов из азиатских стран, — это экономически благополучные страны Юго-восточной Азии (Сингапур и Малайзия), а также страны Восточной Азии (Корея, Тайвань, Япония). В основном мигранты прибывают из таких стран, как Филиппины, Индонезия, Шри-Ланка, Бангладеш и Вьетнам.

Неудивительно, что такие крупномасштабные и устойчивые перемещения населения, начавшиеся еще в 1970-е годы, стали предметом пристального внимания исследователей и политиков. Уникальной характеристикой внутри-азиатской миграции являются основная система регулирования этого процесса, которая представляет собой жесткую форму временного разрешения на работу, которое позволяет мигрантам работать за рубежом от двух до четырех лет и может быть обновлено по истечении этого срока. Большинство трудовых мигрантов, имеющих низкую квалификацию и работающих за низкую оплату, не могут позволить себе привести членов семьи или устроиться в принимающей стране на постоянной основе. Такой контрактный временный режим миграции создает феномен «работника-одиночки». При этом мигранты-мужчины находят работу в сфере производства (например, в строительстве), а женская миграция в основном сосредоточена в сфере воспроизводства (оплачиваемый домашний труд и другие рабочие места,

связанные с коммерциализацией заботы), хотя их можно найти и в других сферах занятости.

Сервисы ухода и домашнего труда являются поставщиками рабочих мест, которые занимают в основном женщины. В Западной Азии, где сфера домашнего труда включает также садовников, шоферов, охранников, поваров, в ней находят работу и мужчины. Согласно данным МОТ, по меньшей мере 53,6 млн женщин и мужчин старше 15 лет заняты в сфере домашнего хозяйства как основном месте заработка. Есть источники, которые утверждают, что общая численность занятых в этом секторе составляет 100 млн. человек. Домашние работники составляют, по крайней мере, 2,5% всех занятых в постиндустриальных странах. Эти рабочие места составляют от 4% до 10% от общего числа наемных работников в развивающихся странах. Гендерный анализ показывает, что женщины составляют подавляющее большинство наемных домашних работников (до 83%); они представляют 7,5% глобального рынка занятости женщин. Трудовые мигрантки, занятые в сфере домашнего хозяйства, обычно преодолевают расстояния в тысячи миль, чтобы получить недостаточно регулируемую или неформальную, ненадежную и, в целом, мало оплачиваемую работу, оставляя дома собственные семьи.

Понятие «цепочки заботы», которое в настоящее время широко используется в исследованиях и программах глобальной миграции, выросло из анализа опыта мигранток из стран Азии. Основой глобальной цепи заботы является процесс коммодификации заботы и ухода. Социально-экономические последствия этого процесса выходят за пределы макроэкономических прогнозов и часто остаются без внимания. Цепочки заботы имеют социальные и психологические последствия для семей в отправляющих обществах, и именно эти эффекты остаются без внимания политиков.

Тот факт, что трудовые мигранты перемещаются в поисках заработка внутри Азиатского региона и заняты в низко оплачиваемых секторах экономики, возрождает старую дискуссию о миграции и развитии. Позитивные последствия миграции для развития видятся в том, что страны исхода выигрывают от «циркуляции мозгов» и приобретения навыков, которые мигранты затем используют в родной стране. Такое рассуждение оставляет без внимания характер занятости временных трудовых мигрантов, в особенности женщин в принимающих странах. На Глобальном Юге и в Юго-Восточной Азии боль-

“Правительство контролирует миграции и извлекает экономическую выгоду из труда иностранных работников, формально соблюдая права трудовых мигрантов”

шое число работников «низкой квалификации» занято в сегменте рынка труда принимающих стран, который характеризуется условиями занятости, ограничивающими их возможности. Часто мигранты заняты на краткосрочных контрактах, которые являются частью системы *kafala*. Кафала — это популярная в Азии схема получения визы через посредничество нанимателей, сеть частных брокеров-рекрутеров или агентств, которые манипулируют обеими сторонами миграционного контракта. Критические исследования показали, что такая модель коммодификации труда заботы не приводит к накоплению «человеческого капитала» и не имеет позитивного влияния на оплату труда и уровень жизни. «Навыки» занятых не сохраняются, и уж совсем нельзя сказать, что они развиваются. Невидимый характер репродуктивной работы затрудняет оценку последствий дефицита заботы в отправляющем обществе, который возникает в результате коммерциализации заботы в принимающих странах. Отправляющие страны сталкиваются со следующей проблемой. Исход мигрантов, зарабатывающих в домашних хозяйствах принимающих обществ, в отправляющих странах приветствуется, поскольку он порождает приток финансовых средств. Но при этом недостаточное внимание уделяется оборотной стороне этого процесса — социально-экономическим последствиям в развивающихся странах, где возникает дефицит заботы. Преобладающий государственный дискурс и рамка регулирования миграции, которые руководствуются только подсчетом экономической выгоды от тех денежных сумм, которые мигранты отправляют в свои семьи на родине, на самом деле инструментализирует вклад мигрантов в благополучие своей родины и игнорирует социальные издержки миграции для семей.

Парадигма развития игнорирует личный опыт и издержки миграции, и, таким образом, не обращает внимание на права, социальную защиту и специфическую субъектность мигрантов. Правительство контролирует миграции (то есть выезд и въезд людей и их доступ к рынку труда) и извлекает экономическую выгоду из труда иностранных работников, формально соблюдая права трудовых мигрантов.

В целом, можно сказать, что в азиатских странах не сформирована гендерно-сензитивная миграционная политика, которая способствует трудовой мобильности женщин, пересекающих границу в поисках заработка. Скорее наоборот. В некоторых странах действуют правовые ограничения в отношении женской трудовой миграции под маской социальной защиты. Трудовое законодательство в большинстве принимающих стран недостаточно защищает права женщин-мигранток, которые подвергаются интерсекциональной структурной дискриминации на основании гендера, класса, возраста, этничности и национальности. Эти структурные факторы в дальнейшем порождают те вызовы, с которыми встречаются трудовые мигранты.

В результате мигрантки, нашедшие работу в феминизированных секторах экономики, где оплата труда обычно ниже (в сфере домашней работы или пошива одежды), не могут рассчитывать на соблюдение трудовых прав, которые защищают работников других отраслей. Структурные неравенства, гендерная дискриминация на рынках труда в отправляющих странах вместе с ограничивающим передвижение контролем миграции приводят к тому, что женщины обычно обладают меньшими возможностями мигрировать индивидуально и с большей вероятностью обратятся к посредникам-рекрутерам при поиске работы за рубежом. Таким рекрутерам — индивидуальным или организациям — они оплачивают услуги по содействию миграционному процессу. Женщины по сравнению с мужчинами с большей вероятностью мигрируют на основании схем временной занятости для низкооплачиваемых работников или по теневым каналам. Они чаще устраиваются в сфере неформальной занятости, где их не защитит профсоюзная организация, представляющая интересы занятых. Высокий уровень социально-экономической уязвимости, географической изоляции и отсутствие политической репрезентации женщин — временных трудовых мигранток составляет сердцевину гендерного неравенства в Азии. ■

Адрес для связи: Никола Пайпер <n.piper@qmul.ac.uk>

> МПСР: социальный прогресс, размышления о гендерной проблематике

Джефф Хирн, Школа экономики Ханкена (Финляндия); Университет Эребру (Швеция), Университет Худерсфилда (ВБ), член ИК 32 «Женщины, гендер и общество»

В написании Доклада о социальном прогрессе участвовало около 300 исследователей. Фото: Софи Уолтерс (2015).

Международная панель по социальному прогрессу (МПСР, <https://www.ipsp.org/>) была организована в конце 2012 — начале 2013 года как большая независимая негосударственная инициатива в области социальных наук, до некоторой степени напоминающая Межгосударственную панель по изменению климата. Идея обсуждалась на конференции «Мыслить глобально», в мае 2013 года (<https://penserglobal.hypotheses.org/35>). Официально инициатива начала функционировать летом 2014 года, когда состоялись первые встречи Комитета по надзору и чуть позже был сформирован Научный совет. Ключевыми фигурами всего этого процесса стали Марк Флербэй (Принстонский университет) и Оливье Буин (RFIEA — Сеть французских институтов перспективных исследований), которых поддержали многие ведущие социальные ученые, например Амартия Сен, Хельга Новотны, Рави Канбур и Элиза Райс.

Цель этой инициативы — создать целостную картину измерений социального прогресса, сделать современную социальную науку более доступной и релевантой, ознакомить социальных акторов и граждан, а не только правительства, с идеями о возможном будущем; воздействие на публичную дискуссию, повышение внимания к вопросам социальной справедливости и долгосрочному перспективному мышлению среди ученых.

В апреле 2015 года я получил приглашение принять участие в первом крупномасштабном Конгрессе, состоявшемся в Стамбуле в августе того же года. В работе форума приняли участие около двухсот ведущих социальных исследователей. Я должен был работать в одной из групп авторов над темой «Плюрализация семейных форм, гендеров и сексуальности». Как часто бывает, в ходе подготовки к Конгрессу название моей секции изменилось. В конечном итоге я работал в группе авторов над темой «Плюрализация семейных форм». Гендерный подход должен был быть учтен в ходе написания финального текста и в названии термин «гендер» не упоминался. Это повлекло за собой некоторое изменение состава авторских групп. И, в конце концов, я стал соавтором главы под названием «Множественные направления социального прогресса: различные пути продвижения вперед». Кроме того, я участвовал в работе группы авторов, которая была ответственна за гендерное измерение всех аналитических материалов. Второй большой конгресс состоялся в Лиссабоне в январе 2017 года.

Тексты, опубликованные МПСР, написаны более чем 282 авторами. А в целом в этом проекте участвует около 350 социальных исследователей, если включить в список авторов также различных членов комитетов и советов. Изначально среди авторов было четверть политологов; экономисты и социологи

>>

составляли по 20% всего авторского состава; гораздо меньше было гуманитариев. Большинство авторов представляют Европу и Северную Америку, доля мужчин среди авторов составляет около 60%.

Перечислю основные принципы МПСР. Аналитическая работа должна проводиться с опорой на низовые инициативы, коллегиально, с учетом пир-ревью текстов. Поддержка и финансирование обеспечивается пятьюдесятью фондами, университетами и другими институтами, независимых от правительств и лоббистов. Особое значение придается многодисциплинарным подходам и отзывам заинтересованных акторов. Авторы должны с уважением относиться к критике и расхождениям в позициях, признавая границы своей экспертизы. МПСР была ориентирована на *условный характер* предписываемых действий. Иными словами, предлагаемые рекомендации были высказаны в следующей форме: «если ваша цель такова, то лучший способ ее достичь выглядит следующим образом». Были выделены ключевые элементы социального прогресса. Среди них: равное достоинство, соблюдение базовых прав человека, демократия, верховенство права, плюрализм, материальное благополучие, свобода, отсутствие отчуждения, солидарность, признание и уважение, культурные блага, ценности окружающей среды, дистрибутивная справедливость, прозрачность, подотчетность.

В результате этой работы издательство Cambridge University Press опубликовало три тома статей «Переосмысление общества в 21 веке: Доклад Международной панели по исследованию социального прогресса» (*Rethinking Society for the 21st Century: Report of the International Panel on Social Progress*), и отдельный сборник статей под заголовком «Манифест социального прогресса: идеи о лучшем обществе» (*Manifesto for Social Progress: Ideas for a Better Society*). Авторы публикаций принимают участие во многих форумах, в деятельности T20 (международная сеть аналитиков Большой Двадцатки), члены которой встречались в Германии в 2017 году и в Аргентине в 2018, в проекте «Разговор» (The Conversation), в издании тематических выпусков журналов и в создании документального фильма https://www.instagram.com/a_new_society/.

О спектре проблем, которые освещены в публикациях, можно получить представление из обобщающих статей каждого из томов. Первый том посвящен социально-экономическим трансформациям. Он содержит следующие статьи: «Социальные тенденции и новые географии»; «Социальный прогресс: основные ориентиры»; «Экономический рост, человеческое развитие, социальное благополучие»; «Города»; «Рынки, финансы, корпорации»; «Будущее работы»; «Социальная справедливость, материальное благополучие, экономическая организация». Второй том озаглавлен «Политическое регулирование: управление и социетальные трансформации». Он содержит такие главы, как: «Парадоксы демократии и верховенство права»; «Насилие, войны, мир, безопасность»; «Международные организации, технологии управления»; «Управление капиталом, трудом и природой»; «Медиа и коммуникации». Третий том озаглавлен «Трансформация ценностей, норм и культуры». Он включает такие разделы, как «Культурные изменения» «Религии», «Плюрализация семейных форм», «Глобальное здоровье», «Образование», «Причастность»; «Множественные направления социального прогресса»; «Вклад социальных наук в программы институциональных изменений». Для каждой из этих тем представлены современная ситуация, исторические и перспективные тренды, направления изменений, ориентированных на социальную справедливость, а также проанализированы движущие силы и барьеры таких изменений.

Сквозные тематики включают следующие: наука, технология и инновации; глобализация; общественные движения; здоровье; и, как я уже упоминал, гендер. Группа экспертов по гендерной проблематике комментировала черновые варианты глав и обращала внимание на гендерное измерение каждой из тем, руководствуясь следующим списком вопросов:

- Гендерный подход должен включать анализ гендерных *отношений*, гендерных *отношений власти* и *процессов гендеризации*. Таким образом, гендерный подход не ограничивается использованием гендера как переменной или вниманием к специфической гендерной группе.
- Гендерный подход предполагает анализ *гендерного конструирования* и *дифференциальной гендерной власти женщин и женственности*, а также *мужчин и мужественности*.
- Интерпретация гендера как *дихотомии мужчин и женщин* может привести к пренебрежению *гендерным разнообразием*, *препятствовать признанию иных гендерных позиций*, в т.ч. ЛГБТК.
- Генерализация гендерных режимов может быть ошибочной, поскольку гендерные отношения могут быть организованы по-разному *в различных обществах* и *могут контекстуально различаться в рамках отдельных обществ*.
- Тематика детства, «мальчики» и «девочки» также должна анализироваться с учетом гендерного подхода.
- Необходимо проводить четкое различие между «гендерным равенством» (*gender equality*) и «гендерной справедливостью» (*gender equity*).
- Необходимо учитывать и подвергать анализу процессы гендеризации и гендерные режимы в тех контекстах, которые могут быть представлены как «гендерно нейтральные» или негендеризированные, например, в таких сферах, как международные отношения или транспортная система.
- Анализ должен обращаться к *теме сексуальности*, включая *ненормативные сексуальности*, не редуцируя исследование *гетеронормативностью*.
- Исследования должны учитывать *анализ будущего в отношении гендера и сексуальности*, в т.ч. последствия новых технологий.
- В исследованиях и рекомендациях должна учитываться гендерно конструированная *интерсекциональность* на всех уровнях — от идентичности до глобальных социальных отношений.

Основная цель Доклада МПСР заключается в том, чтобы представить состояние научных знаний о возможностях структурных социальных изменений и синтезировать знания о принципах, возможностях и методах улучшения социетальных институтов. Многие рекомендации содержатся в заключительной главе. Они касаются таких тем, как преодоление ограничений устойчивого социального прогресса, распространение некапиталистических форм рыночной деятельности и роль государства и сообщества в удовлетворении человеческих потребностей; развитие активного кооперативного сектора рыночного хозяйства; конверсия капиталистических фирм в кооперативы, находящиеся под управлением работников; демократизация крупных капиталистических предприятий; универсальный базовый доход, общедоступное и всеохватное медицинское обслуживание, выявление изменений властных и привилегированных позиций в институтах и политических программах; создание транснациональных межорганизационных альянсов для реализации программ социальной поддержки с опорой на опыт Глобального Юга; распространение повестки равенства в транснациональных контекстах и «не маркированных зонах», демократизация демократии и партисипаторное бюджетирование. ■

Адрес для связи: Джеймс Хирн <hearn@hanken.fi>

> Бедность и неравенство: Южная Африка как предупреждение для всего континента

Джереми Сикингс, Кейптаунский университет, ЮАР, член ИК 19 по проблемам бедности, социальному обеспечению и социальной политике; бывший вице-президент ИК21 по городскому и региональному развитию

В поисках работы в ЮАР, где абсолютное число безработных за последние 25 лет выросло вдвое. Фото: Джереми Сикингс.

Тема бедности и неравенства в Южной Африке по праву привлекает внимание исследователей и политиков. Абсолютный уровень бедности в Южной Африке, рассчитанный с использованием стандартизированных показателей денежного дохода, долгое время был и остаётся исключительно высоким, если учитывать ВВП страны на душу населения. Конечно, это происходит из-за высокой степени неравенства в распределении доходов. Проблема высокого уровня бедности и неравенства уходит корнями в историю расовой дискриминации и лишения прав собственности в Южной Африке до и во время апартеида. Однако и после 25 лет демократии уровень бедности остаётся неизменно высоким, а неравенство, по всей видимости, усиливается. Очевидно, что это не тот случай, когда демократия обязательно сокращает бедность или неравенство.

> Устойчивость бедности и неравенства в Южной Африке

Устойчивость бедности и неравенства обусловлена различными факторами. В книге 2005 года *Class, Race and Inequality in South Africa* [Класс, раса и неравенство в Южной Африке] (издательство Йельского университета) мы с Николи Наттрасс писали о том, что неравенство пережило апартеид, потому что оно сохраняется, хотя больше не поддерживается открытой расовой дискриминацией. В период апартеида белые южноафриканцы накапливали не только имущество и финансовые активы, но и человеческий капитал (посредством механизма расового дискриминационного государственного образования) и социальный капитал (мы должны были бы также добавить культурный капитал). Это означало, что отмена расовой дискриминации не смогла подорвать привилегии большинства белых южно-

африканцев. Избранные после 1994 года путём демократических процедур правительства ликвидировали остатки открытой расовой дискриминации и предприняли позитивные действия в поддержку чернокожих южноафриканцев. Однако большинство белых южноафриканцев продолжали пользоваться классовыми привилегиями. И наоборот, в то время как некоторые чернокожие южноафриканцы выиграли от устранения расовых ограничений (а затем и от позитивных действий) и достигли благополучия, многие чернокожие южноафриканцы продолжали страдать от нехватки того или иного вида капитала. Без навыков, социального капитала или земли четверо из десяти взрослых южноафриканцев не могли найти работу.

Совместную монографию 2015 года *Policy, Politics and Poverty in South Africa* [Стратегии, политика и бедность в Южной Африке] (издательство Palgrave

>>

Macmillan) мы с Николи Наттрасс посвятили вопросу о том, почему после перехода к демократии не была эффективна политика, поддерживающая бедные слои населения. Мы согласны, что некоторые правительственные стратегии действительно ориентированы на бедных. Программы социальной помощи в Южной Африке перераспределяют необычайно большую долю (между от 3% до 4%) ВВП от богатых налогоплательщиков в основном на бедные домохозяйства. Эти меры сокращают бедность, но не неравенство. Тем не менее, бедность, как и неравенство, сохраняются, что связано, прежде всего, с высоким уровнем безработицы. За 25 лет демократии не только вырос уровень безработицы, но и удвоилось абсолютное число безработных. Преимущества экономического роста фактически не распространяются на крайне бедных граждан, за исключением перераспределения через социальную помощь, финансируемую за счёт налогов. В монографии мы высказали мысль о том, что отчасти эта ситуация отражает негативное влияние политики рынка труда на трудоёмкие сектора экономики.

> Явление общеафриканского масштаба

Существует точка зрения, что исторический контекст Южной Африки делает описанную выше социально-экономическую ситуацию исключительной. Однако сохранение нищеты и растущее неравенство в ЮАР являются предвестником распространения этого явления в масштабах всей Африки. В период с 1990 по 2015 год доля населения мира, живущего в условиях крайней нищеты по уровню дохода, сократилась на две трети — с 47% до 14%, (в абсолютных числах с приблизительно 2 млрд человек в 1990 году до 836 млн в 2015 году). Тем не менее, в Африке общий уровень бедности снизился гораздо меньше (с 57% до почти 40%), в то время как абсолютное число людей, живущих в условиях крайней нищеты, в Африке фактически возросло. Как и в ЮАР, бедность сохраняется, несмотря на экономический рост. Преимущества экономического роста практически не распространяются на бедных. Эластичность нищеты по темпам роста в Африке в период между 1990 и 2015 годами составляла всего -0,7 по сравнению с -2 в других регионах. Это значит, что каждый 1% экономического роста в Африке сокращал бедность всего на 0,7%, тогда как в других странах такой же процент эко-

номического роста сокращал бедность на 2%. Таким образом, экономический рост в Африке становится скорее фактором роста неравенства, а не сокращения бедности.

В Африке, в отличие от ЮАР, бедными до настоящего времени являются в основном крестьяне-фермеры, живущие в сельской местности. Крестьянские хозяйства во многих (но не во всех) районах имеют низкую производительность труда и уязвимы для засухи, разрушающей их ресурсы. Правительства часто забывают о сельском населении. Программа «Развитие», навязанная крестьянским фермерам, редко приносит существенные выгоды. Большая часть Африки когда-то характеризовалась изобилием земли и нехваткой рабочей силы. Теперь для неё более характерны скудные земли и избыток рабочей силы. Очевидно, что для улучшения показателей национальной продовольственной безопасности и сокращения сельской бедности необходим рост производительности фермерских хозяйств. Однако весьма маловероятно, что удастся привлечь в сельскохозяйственный сектор молодую рабочую силу. Результат предсказуем: ожидается рост безработицы среди молодежи, которая мигрирует в городские районы и в дальнейшем рассматривается политическими элитами как представляющая политическую угрозу.

> Необходимость развития трудоёмкого производства

В Южной Африке и во всё большей части остальной Африки сокращение масштабов бедности требует расширения трудоёмких несельскохозяйственных секторов производства. Почти каждый исторический пример устойчивого экономического роста и сокращения нищеты включает фазу трудоёмкого производства. В нашей новой книге *Inclusive Dualism: Labour-Intensive Development, Decent Work, and Surplus Labour in Southern Africa* [Инклюзивный дуализм: развитие трудоёмкого производства, достойные условия труда и избыток рабочей силы в Южной Африке] (Oxford University Press, 2019) мы с Николи Наттрасс обращаемся к классической работе У. Артура Льюиса (единственного ученого африканского происхождения, завоевавшего Нобелевскую премию по экономике), чтобы проанализировать роль швейного производства в росте занятости и сокращении бедности. Швейная промышленность значима как потенциально основной источник занятости

для бедных. Четыре миллиона рабочих мест в швейной промышленности в Бангладеш могут быть низкооплачиваемыми, но они играют главную роль в сокращении бедности, поскольку для женщин из сельской местности эта работа является наиболее производительной и более высокооплачиваемой. Швейная промышленность подобна канарейке в угольной шахте: она является показателем здоровья окружающей среды. В угольной шахте поведение канарейки в клетке служило для горнорабочих индикатором опасности присутствия газа. Точно так же, если в стране с избытком рабочей силы нет развивающейся швейной промышленности, значит что-то не так с её политической средой.

В монографии проводится подробный обзор ситуации на рынке труда ЮАР, где занятость в швейной промышленности сокращается одновременно с ростом безработицы. Наиболее тревожным признаком является отрицательное значение эластичности занятости в процессе экономического роста в обрабатывающей промышленности в Южной Африке. Это означает, что увеличение объёма производства совпадает с сокращением занятости в этом секторе. Производительность труда возрастает, так как работодатели делают инвестиции в более капиталоемкие технологии, требующие квалифицированной рабочей силы. При этом занятость сокращается, что является если и не причиной роста неравенства и бедности, то, по крайней мере, условием их сохранения. Мы концептуализируем такую политику занятости как «фундаментализм достойного труда», то есть стремление обеспечить «достойные условия труда» без учёта последствий такой политики для (не)занятости. До тех пор, пока Южная Африка и другие африканские страны не создадут среду, в которой сможет процветать швейная промышленность, нищета и неравенство будут сохраняться. ■

Данные о бедности в Африке см. в Докладе ООН о Целях развития тысячелетия (New York: United Nations, 2015), в: Кэтрин Бигл и др. Бедность в развивающейся Африке (Kathleen Beegle et al.'s *Poverty in a Rising Africa*. Washington DC: World Bank, 2016), и в: Zarobabel Bicaba et al.'s "Eliminating Extreme Poverty in Africa: Trends, Policies and the Roles of International Organizations," Working Paper 223. Abidjan: African Development Bank, 2015 (Заробабел Бикаба и др. Ликвидация крайней бедности в Африке: тенденции, политика и роль международных организаций, Рабочий документ 223 (Абиджан: Африканский банк развития, 2015).

Адрес для связи: Джереми Сикингс
<jeremy.seekings@uct.ac.za>

> Пятидесятничество и харизматическое христианство в Южной Африке

Моконг Саймон Мападименг, Исследовательский совет по гуманитарным наукам (ЮАР), член ИК37 по социологии искусства и ИК44 по проблематике рабочего движения

Пастор пятидесятнической церкви направляет спрей против насекомых в лицо члену конгрегации.

Демократические выборы 1994 года в ЮАР стали переломным моментом, ознаменовавшим официальное падение колониального апартеида и замену его на демократическое правление чёрного большинства. Помимо этого, произошли и другие изменения, в частности, коснувшиеся социальных институтов прошлого, исторических структур и сопутствующих практик. Среди них — подъём христианских религиозных движений, проявившийся в возвышении пятидесятнических и/или харизматических христианских церквей. Эти направления — не новость для Южной Африки; по-видимому, эти церкви впервые появились в ЮАР на рубеже XX века. Сразу после 1994 года они продемонстрировали экспоненциальный рост по всей стране — как в городах, так и в отдалённых деревнях.

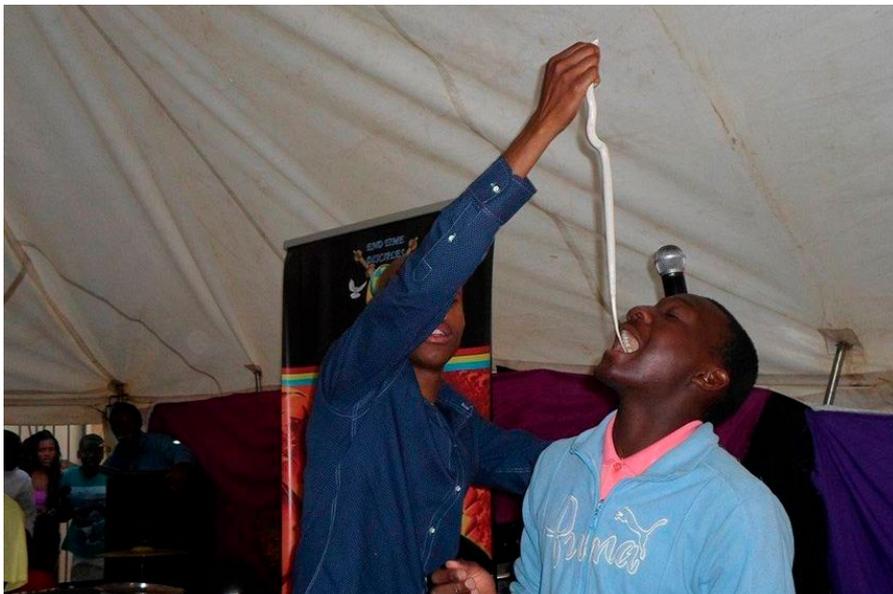
Стремительный рост влияния церквей, однако, сопровождался проблемами и противоречиями. Последнее время мы сталкиваемся с бесконечными спорами, из которых следует, что эти церкви предположительно за-

нимаются практиками, противоречащими истинной христианской вере. Среди подобных практик — кормление людей змеями, травой, бензином и пестицидами как элементы духовного исцеления и борьбы с демоническими сущностями (см. илл. 1 и 2). Пока я пишу это эссе, идёт судебный процесс над Тимоти Омотосо, пастором нигерийского происхождения, — главой церкви «Интернационал господства Иисуса» (*Jesus Dominion International, JDI*), обвиняемым в сексуальном насилии, торговле людьми и рэкете. Перед судом предстоит предстать и уроженцу Малави, пастору-миллионеру церкви «Просветлённое христианское собрание» (*Enlightened Christian Gathering, ECG*) Шеперду Бушири, а также его жене; оба обвиняются в мошенничестве и отмывании денег. Кроме того, недавно был опубликован вирусный видеоролик, в котором пастор конголезского происхождения Альф Лукау утверждал, что одной молитвой воскресил лежащего в гробу покойника.

Вокруг церквей не стихают споры; в том числе не смолкают обвине-

ния в том, что эти организации действуют как частные предприятия, не платя при этом налоги по причине отсутствия соответствующей нормативно-правовой базы. В итоге южноафриканское правительство организовало Комиссию по расследованию этой ситуации и выявлению незаконных бизнес-практик. Задача была препоручена Комиссии по продвижению и защите прав культурных, религиозных и языковых сообществ (*Commission for the Promotion and Protection of the Rights of Cultural, Religious and Linguistic Communities, CRL Rights Commission*). Целью расследования было решение проблемы мошеннических церквей, предположительно причиняющих вред людям, их эмоциям и душевному благополучию. Исходной предпосылкой было то, что некоторые из этих церквей созданы лидерами с целью наживы, несмотря на бедность большинства прихожан.

На фоне роста популярности пятидесятнических и/или харизматических церквей и шумихи вокруг них поражает отсутствие социологических исследова-

Пастор Пятидесятнической церкви кормит члена конгрегации живой змеей.

дований, посвященных этому феномену. Это объясняется тем, что в ЮАР социология религии так и не получила достаточного развития. В результате множество социологических вопросов, связанных с церквями, остаются не отвеченными и не исследованными. Вот некоторые из таких вопросов: чем объясняется внезапное разрастание церквей и их популярность среди жителей ЮАР? В каких сегментах южноафриканского общества больше всего активных прихожан? Кто возглавляет церкви и что делает эти организации привлекательными? Чем объяснить кажущуюся пассивность прихожан по отношению к токсичным и опасным практикам церкви? Как с этим связано законодательство ЮАР в отношении религиозных организаций, есть ли случаи его нарушения?

В качестве скромной попытки первоначального социологического анализа я представляю теоретический взгляд на религию и её роль в обществе. Данная перспектива анализирует то, как понимается религия, т. е. что она собой представляет, какую роль играет в обществе и как на него влияет. Разногласия появляются уже на уровне определения религии. Как утверждает Джеймс А. Бекфорд, они связаны с тем, что религия — это социальный конструкт, основанный на специфических социально-политических и исторических контекстах. Благодаря этому религия обладает множеством различных динамических, непостоянных значений. Данный подход помогает объяснить экспоненциальное развитие пяти-

десятнических и харизматических церквей в ЮАР после падения режима апартеида. Политический момент 1994 года обещал «лучшую жизнь для всех» — идеал, который так и не был полностью реализован, несмотря на небольшие улучшения, связанные с масштабным предоставлением базовой социальной поддержки бедному населению. Годовые показатели экономического роста в ЮАР растут традиционно медленно; в этом году их значение составило лишь 2,2%. В связи с этим уровень занятости остаётся недостаточным (официальный уровень безработицы — 27%). Бедность и неравенство только усугубляются: коэффициент Джини для ЮАР составляет 0,63, что является одним из высочайших показателей в мире. Ситуацию обостряют моральная дегенерация и вопиющая коррупция, выраженная в разграблении государственного бюджета элитой, обладающей широкими политическими связями. Во время написания этой статьи две следственных комиссии расследуют предположительный захват государственной собственности коррумпированными корпорациями, коррупционные правонарушения и мошенничество.

Этим контекстом и объясняется резкий рост популярности харизматических церквей среди жителей ЮАР. Церкви обещают своим последователям блага в форме чудесного избавления от страданий — бедности, болезней, безработицы, — а также материальные богатства. Для этого прихожан призывают оставлять де-

нежные пожертвования, которые в итоге оказываются в кармане у сверхбогатых пасторов. Бекфорд совершенно верно заметил, что религия — это неоднородный, сложный и многообразный социальный конструкт, характер которого зависит от цели, которой он служит. Харизматические особенности пятидесятнических церквей, включая чудеса исцеления, эксплуатируются пасторами, которые выступают в роли творящих чудеса пророков. Согласно Стиву Брюсу, влияние религии усиливает вера в то, что за исполнение воли Божьей на земле после смерти ожидает награда — вечное блаженство и гораздо больше богатств, чем может предложить бренный мир. Тем не менее, нынешняя волна пятидесятничества, напротив, фокусируется на материальном вознаграждении верующих в этом мире.

Обсуждая влияние пятидесятничества в ЮАР, нельзя не отметить исторические последствия колониализма, который опирался на посредничество христианских миссионерских церквей и западной системы образования. В частности, миссионерская роль христианских церквей состояла в том, чтобы обратить в свою конфессию африканцев, чья доколониальная религия основывалась на вере в бадимо или амадлиози (предков) — духовных посредников, помогающих общаться с Модимо/Ункулункулу (Божеством). Обращённые африканцы отреклись от бадимо и амадлиози, объявив их бесовскими сущностями, и это ознаменовало успех колониального проекта. Успех был закреплён введением системы образования, основанной на колониальных теоретических концепциях и категориях. Всё это говорит в пользу идеи Брюса о том, что религия либо содействует сплочённости, собирая людей под знамёнами одного бога или общей космологии, либо меняет и разрушает прежний порядок. ■

Адрес для связи:
Моконг С. Мападименг
<mmapadimeng@gmail.com>

> Космические захваты: женщины-шахтеры под землёй

Асанда Бенья, Кейптаунский университет, ЮАР

Работа в шахтах.
Фото: Асанда Бенья.

Уже пятнадцать лет женщины ЮАР работают под землей на шахтах страны. В настоящее время в горнодобывающей промышленности занято около 50 000 женщин, что составляет примерно 10,9% от общего числа постоянных работников горнодобывающей отрасли. Несмотря на то, что приблизительно 11% работников горнодобывающей промышленности составляют женщины, и приняты законы, облегчающие и ускоряющие их включение, отрасль по-прежнему негласно репрезентируется как маскулинная. Только мужчины или мужские тела характеризуются как подходящие для подземных работ, и эта пригодность мужских тел для труда на шахте становится практически естественной и запечатлевается в дискурсе и в шахтёрской профессиональной культуре.

Натурализация мужских тел в шахтёрском деле непроизвольно способствует исключению женщин, даже несмотря на существование законодательства, направленного на его устранение. Как я отмечаю в другой своей статье, женщины на шахтах Южной Африки «включены, будучи исключенными». Действительно, они рассматриваются, по выражению Нирмала Пювара, как «космические захваты», которые создают «состояние дезориентации и онтологического беспокойства» в отрасли. Их обвиняют не только в том, что их присутствие негативно влияет на производительность труда и его безопасность. Они также подвергаются стигматизации, как на самих шахтах, так и за их пределами за несоответствие социальным представлениям о женственности, и в связи с этим их нравственные устои ставятся под вопрос.

В то время как теоретически женщины могут выполнять любую работу под землёй, в действительности им запрещено занимать определенные должности. Во всех шахтах, где я проводила свои исследования, женщины не могли быть операторами по бурению, и очень немногие были рудокопами или машинистами скреперной лебёдки. Некоторые скреперисты, с которыми я работала, почти никогда не управляли лебёдками под землёй. Используя протекционистский дискурс, начальство шахты, исходя из своих стратегических интересов, отказывается набирать, обучать и распределять женщин на определённые рабочие места подземной профессии. Это происходит, даже несмотря на то, что защита женщин от «напряжённой подземной работы» ставит их в невыгодное финансовое положение, поскольку в ряде случаев они не могут претен-

довать на те производственные надбавки, которые получают мужчины. Далее я опишу один из рядовых инцидентов, происходящих на шахтах. Он иллюстрирует, как исключение женщин, завуалированное культурным и протекционистским дискурсом, поощряется и закрепляется, ежедневно вовлекая многих из них, чтобы на практике цементировать и внедрить принцип исключения, одновременно декларируя включение.

В начале своего исследования, когда я ещё училась на машиниста скреперной лебёдки, мне сказали, что женщинам не разрешают посещать занятия по бурению. Причины исключения аргументировались характеристиками женского тела, которое инструкторы и начальство шахты сочли неподходящим и «слишком хрупким» для работы с бурильной машиной. Инструкторы утверждали, что работа с бурильными установками негативно влияет на женское репродуктивное здоровье. В моём случае, после того, того как я настояла, мне в конце концов разрешили посещать курсы подготовки бурильщиков. Я была строго проинструктирована только наблюдать и ничего не трогать, потому что «раскалённые очистные камеры и бурение» — это все для мужчин; они несовместимы с женской анатомией. Конструкция машин и вентиляция в камере не были названы в качестве причин ограничений доступа женщин к профессии.

После нескольких занятий в учебном центре и нескольких дней наблюдения всем новичкам была предоставлена возможность поработать на машинах. Было рекомендовано как можно точнее подражать инструкторам и опытным работникам — начиная от того, как они сидят, расставив ноги и плотно прилегая бёдрами к бурильной машине, до того, как они дышат и каков ритм движения их тела. Од-

нако, когда настала моя очередь, инструкция изменилась. Сначала инструктор не позволил мне управлять машиной, сказав, что женщины не могут на неё садиться. Тем не менее, чтобы установить бурильный механизм и сохранять равновесие, нужно обхватить его ногами. Однако мой инструктор сказал, чтобы я собрала ноги вместе, что мои «ноги должны быть с одной стороны, как у леди». Хотя я неоднократно видела, как он толкает мальчиков-работников, говоря им, чтобы они широко расставили ноги, обхватив машину и *почувствовав её между своих бёдер и «крепко держали её и вталкивали в грунт»*. Мне он сказал сложить ноги вместе и держать их в стороне *«иначе вы не сможете иметь детей... вы убиваете яйцеклетки»*. Рабочие также отметили, что женщина сидящая верхом на бурильной установке выглядит «непристойно».

Как и следовало ожидать, когда я последовала их инструкциям и бурила «как леди», стоя обеими ногами с одной стороны, машина тянула меня за собой. Когда я выключила её, чтобы сказать им, что невозможно бурить в таком положении, прежде чем я повернула к ним голову, инструктор сказал: *«Я говорил Вам, что женщины не могут бурить. Я работаю в горном деле очень долгое время, и я знаю, о чём говорю. Женщины не могут этим заниматься, это невозможно... Эта установка слишком тяжёлая»* (все рабочие, которые находились в поле моего зрения, кивали в знак согласия) (Полевые заметки, Рюстенбург, апрель 2012 г.). Для этих мужчин именно тот факт, что бурильная установка тянула меня за собой, был подтверждением «непригодности» женского тела для бурильных работ. Этот аргумент действовал гораздо сильнее, чем «специальные» инструкции, запрещающие женщинам сидеть верхом на бурильной машине.

Эти предвзятые ханжеские представления о женском теле бытуют не только в учебном центре, но и проникают в повседневную работу на шахте. Как я отмечала, во многих случаях женщинам не позволяют работать под землёй или сводят их функции к работе помощников, которые делают уборку и приносят воду для бригад, или удалены со своих рабочих мест и отделены от своих рабочих бригад, особенно если команда работает в горячих очистных выработках. Я обозначаю эти процессы как неформальное перераспределение работы, которое приводит к изоляции женщин от рабочих бригад и отчуждению от работы и имеет как краткосрочные (недоступность производственных надбавок и льгот), так и долгосрочные тяжёлые последствия в отношении продвижения по службе.

Описанные инциденты являются не единичными, а скорее системными. Они усиливают периферийный статус женщин в горнодобывающей промышленности, несмотря на закреплённое законодательством право женщины работать на шахте. Я использую приведенные выше примеры, чтобы продемонстрировать существенные и очень реальные, но невидимые различия в том, как обучают мужчин и женщин и как с ними обращаются на работе. Исследование показывает, как предвзятые представления о женском теле как о хрупком и слабом ведут к исключению женщин и делают их «второсортными» работниками. Очевидно, что одного законодательства недостаточно — это глубоко укоренившаяся маскулинная профессиональная культура и нормы, которые необходимо проблематизировать и изменять. ■

Адрес для связи: Асанда Бенья
<asanda.benya@uct.ac.za>

> Внеэкономические последствия безработицы

Табанг Сефалафала, Витватерсрандский университет, ЮАР

Дебаты о безработице, в которых участвуют ведущие учёные, аналитики, политики и общественность, часто концентрируют внимание на экономических последствиях этого явления, оставляя без внимания внеэкономические факторы, которые являются не менее важными. Понимается, что безработица — это, прежде всего, проблема, связанная с материальными трудностями, обеспечением средств существования и бедностью. Неспособность мужчин обеспечить материальные потребности своих домохозяйств рассматривается как основной источник угрозы маскулинности, унижения и стыда.

Дискуссии о безработице в политических кругах и не только в основном вращаются вокруг экономических последствий данной проблемы. Таким образом концепция безработицы как проблема жизнеобеспечения обретает привилегированную позицию, оттесняя на задний план другие точки зрения на вопрос.

В период с 2013 по 2014 год я провел этнографическое исследование чёрных безработных, бывших шахтёров, уволенных с золотых приисков провинции Фри-Стейт в Южной Африке. Результаты исследования только отчасти подтверждают обозначенную выше точку зрения. Иными словами, они не оставляют без внимания экономические последствия безработицы, однако вместе с тем показывают, что лишения, претерпеваемые безработными, выходят за рамки материальной нужды.

Капитализм девятнадцатого и двадцатого веков в ЮАР институционализировал наёмный труд как основу формирования личности и маскулинности. Большое количество африканских мужчин рекрутировались в сельской местности для работы по

найму. Пролетаризация повлекла за собой формирование общей коллективной идентичности рабочих, в рамках которой наёмный труд означал достойную жизнь, особенно для мужчины-кормильца.

Поскольку оплачиваемая занятость стала значимым фактором формирования представлений о достойных условиях жизни, возникает южноафриканский и глобальный кризис наёмного труда. Рост безработицы сопровождается увеличением числа ищущих и не могущих найти работу людей. Кроме того, рабочие места в неолиберальном капиталистическом обществе часто не обладают такими характеристиками, как, статусность, безопасность и льготы, ассоциируемые с традиционными рабочими местами. Несмотря на глубокий кризис наёмного труда, выражающийся в том, что он перестал выполнять свои традиционные функции, работа по найму остаётся центральным фактором, формирующим представление о достойном образе жизни в современном мире.

Вследствие безработицы повседневная жизнь большого числа людей характеризуется глубокой и продолжительной экономической нестабильностью и незащищённостью. В Южной Африке система социального обеспечения, которую некоторые считают наиболее всеобъемлющей на африканском континенте, не распространяется на безработных. В силу этих обстоятельств безработная молодежь и другие категории рабочей силы не обладают какими-либо реальными перспективами получения стабильного и прогнозируемого дохода для удовлетворения своих базовых потребностей.

Исследование показывает, что опыт переживания экономической незащищённости уволенными шах-

тёрами чаще всего был обусловлен утратой основания маскулинной идентичности, ассоциируемой с работой на шахте, в том числе в качестве кормильцев семьи. Например, один из моих респондентов по имени Расебоко, бывший шахтер, сказал, что безработица подрывает статус мужчины, потому что он больше не может обеспечивать свою семью. Он сказал: «Безработица лишает меня статуса мужчины. Мужчина получает свой статус благодаря обеспечению своей семьи. Если я не могу обеспечить свою семью, то какой может быть статус?»

Безработные теряют уверенность в себе, чувствуют себя бесполезными и даже могут думать о самоубийстве из-за внезапных изменений и дезадаптации, обусловленных безработицей: «Вы не можете обеспечить семью как мужчина. Давление со стороны моей семьи было слишком сильным, я даже думал о самоубийстве. Я чувствовал, что я ничто, не важен для собственной семьи. Бесполезный. Я не понимаю, для чего я всё ещё живу». Безработные мужчины не могут принимать участие в общинных похоронах и сберегательных клубах и испытывают зависть, видя, как другие мужчины материально обеспечивают свои семьи.

На первый взгляд, данные подтверждают мысль о том, что пагубные последствия безработицы в основном связаны с экономическими трудностями и бедностью. Тем не менее, материальные лишения и бедность не являются исключительно уделом безработных, поскольку существует значительная по численности категория «работающих бедных», к которым относятся занятые, но экономически депривированные люди.

Для того, чтобы выразить, что для них значит безработица, бывшие

>>

“ Потеря работы понимается не только как потеря дохода, но переживается как моральное унижение, то есть отсутствие возможности существовать и жить в мире способами, соответствующими системе господства наёмного труда, капиталистическим отношениям и соответствующим нормам и ценностям”

шахтёры обращались к провоцирующим образам своих раненых чёрных тел, лишённых частей. Для них безработица означает «деклассирование», то есть процесс перехода в другое более низкое состояние бытия, чем раньше. Образы больных и избитых чёрных тел используются ими как метафоры для описания непоследовательного и разрушенного социального и морального порядка; выражения идеи аномического состояния бытия в мире.

Наёмная работа больше не представляется внешней деятельностью, в которую трудящиеся вовлечены инструментально, просто для получения устойчивых средств существования; она становится воплощённым в человеческих телах объектом желаний.

Воплощение (*embodiment*) наёмного труда является более глубокой, экзистенциальной, моральной силой. Значимость наёмного труда такова, что отсутствие занятости уже выходит за рамки экономических, социальных и психологических последствий и мощно проявляется в нематериальном состоянии аномии, переживаемом как чувство утраты.

Потеря работы понимается не только как потеря дохода, но пережи-

вается как моральное унижение, то есть отсутствие возможности существовать и жить в мире способами, соответствующими системе господства наёмного труда и капиталистических отношений и соответствующих для них норм и ценностей.

Таким образом, унижение и стигма безработных вызваны не только тем, что источники средств существования поставлены под угрозу. Они обусловлены тем, что в дискурсе наёмного труда, безработица — это кризисное состояние. Оно характеризуется неприспособленностью, невписанностью лишившегося работы человека в определенный гегемонный, разделяемый всеми общественный порядок. Ограничение понимания безработицы рамками проблемы источника средств существования приводит к мысли, что простое управление денежными выплатами, например, выплата пособий в размере базового дохода (*Basic Income Grant, BIG*) или пособий по безработице решат проблему. Однако бывшие шахтёры отказались от денежных выплат как универсальной меры реагирования на безработицу. Они не приняли денежные пособия не потому, что не видели в них никакой ценности, а потому, что для них эти выплаты не могли возместить потерю.

Если наёмная работа утратит свои символические позиции, то будущее будет зависеть от разработки стратегии её децентрализации и переосмысления оснований новой общей и коллективной системы труда. Размышления об альтернативных идеях пост-наёмного труда должно будет противостоять тому воплощенному пониманию наёмного труда, которое доминирует ныне.

Бывшие шахтёры хотели продолжать свою работу. Они не думали об альтернативах, но потеря рабочего места заставляет их задуматься. Моральная приверженность наёмному труду делает безработных, политиков и аналитиков слепыми в отношении возможного будущего, где не будет труда по найму.

Для реализации альтернативы пост-наёмного труда бывшие шахтёры, политики и общество должны представить себе мир, в котором наёмный труд больше не занимает центральное место в концепциях достойных для человека условий жизни. ■

Адрес для связи:
Табанг Сефалафала
<Thabang.sefalafala@gmail.com>

> Как накормить мир: учимся в Танзании

Марк Вегериф, Университет Претории, ЮАР

Рынок свежих продуктов в районе Илала города Дар-эс-Салам (Танзания).
Фото: Марк К. А. Вегериф.

Приехав в Танзанию, в Дар-эс-Салам, я был очарован *duka* (маленькими магазинами), в которых почти на каждой улице продавались продукты питания и товары для дома. В такой же степени я был впечатлён и народными рынками — оживлёнными социальными пространствами, где было много мелких торговцев, знавших друг друга и большинство своих покупателей. Рынки располагались в шаговой доступности от тех мест, где я жил. Мой интерес стал мотивом для проведения исследования о том, как

питаются жители Дар-эс-Салама, население которого составляет почти пять миллионов жителей. Это исследование может внести вклад в понимание принципов устойчивого питания растущего и урбанизирующегося населения Земли.

> Продажа яиц

В начале исследования я наблюдал, как организована торговля яйцами, которые продавались в неограниченном количестве в моём местном *duka* в многоразовых картонных лотках по 30 штук. Чтобы

>>

Сэмюэль доставляет яйца в *duka* (маленький продуктовый магазин) в Дар-эс-Саламе. Фото: Марк К. А. Вегериф.

увидеть, откуда привезли этот товар, я прокатился на велосипеде с Сэмюэлем, который доставлял яйца. Через 22 км мы добрались до его пригородного дома, где, сидя под деревом, пообедали с его семьёй. Сэмюэль содержит 100 кур и покупает яйца за наличные у соседских фермеров, выращивающих цыплят. Он покупает 600-900 яиц вечером и едет в город, чтобы продать их на следующее утро. В то время три поездки в неделю приносили ему прибыль, которая в два с половиной раза превышала минимальную заработную плату работника сельского хозяйства, занятого полный рабочий день. Количественный анализ показал, что около миллиона яиц в неделю поставщики привозили в город на велосипедах так же, как это делал Сэмюэль. Этот экологически чистый способ поставки свежих яиц является ключевым для города, и именно так тысячи людей обеспечивают себе приемлемый качественный уровень жизни.

Дальнейшее исследование позволило выявить, как индустрия производства яиц интегрирована в более широкую продовольственную систему. Сэмюэль покупает корм для кур на фабрике кормов, которая расположена достаточно близко, чтобы можно было доставить мешки с кормом домой на тачке. Завод, производящий комбикорм, получает основной ингредиент, кукурузные

отруби, на местных мельницах, которых в Дар-эс-Саламе насчитывается более двух тысяч. Куриный помёт используется как навоз для садоводства, а выращенные овощи продаются на рынках и соседям.

В своём исследовании я также уделил внимание и другим видам продовольствия, значимым для большинства жителей города: кукурузе, рису, молоку, говядине и зеленым овощам. Несмотря на то, что продукты питания были разными и область их географического происхождения варьировалась (они производились в самых разных уголках страны), система организации производства и распределения продуктов питания была схожей. Большая часть овощей и молока, так же, как и яйца, поступает из городского и пригородного производства, и дополняется продукцией, привозимой издалека. Рис и кукуруза производятся миллионами малоземельных фермеров из регионов. Площадь большинства фермерских хозяйств составляет лишь несколько гектаров земли; фермеры выращивают зерновые для домашнего потребления и на продажу. Торговцы, работая с местными агентами, которые часто сами являются фермерами, добираются до отдалённых деревень, где покупают за наличные даже небольшое количество продовольствия, затем аккумулируют его для транспортировки в основном в Дар-эс-Салам,

иногда через региональные рынки. Торговцы организуют транспортировку, обработку и дистрибуцию товара в торговых точках, таких как *duka* и городские рынки. Грузовые перевозки транспортных компаний используются по мере необходимости. Помол кукурузы и очистка риса оплачиваются в расчете мешок или килограмм зерна за использование мельниц, принадлежащих местным предпринимателям.

> «Симбиотическая продовольственная система»

Таким образом, продовольственная система, обеспечивающая большую часть городского питания, включает множество малых акторов — от фермеров до розничных торговцев. Они осуществляют снабжение продовольствием в городском масштабе фактически без участия корпораций и с небольшим прямым участием государства (выплата налогов). Такую систему продовольственного обеспечения я называю «симбиотической», поскольку другие термины, например «неформальная», не вполне ей соответствуют. Симбиотический тип отношений между элементами системы не предполагает равенства, но подразумевает, что отношения являются взаимовыгодными и не являются хищническими, иначе они не поддерживались бы. Участники включены в экономические отношения, которые встроены

>>

в социальные взаимосвязи, что подразумевает напряжение между конкуренцией и совместной работой; стремление одновременно к автономии и к солидарности. В некоторых случаях, например, на муниципальных рынках, существуют формализованные структуры с выборными комитетами и утвержденными правилами, которые соответствуют принципам рационального управления общими ресурсами. Однако чаще сотрудничество имеет органический характер и регулируется без каких-либо явных правил, структуры или контрактов. Взаимозависимые акторы, имеющие относительно равный статус и общий культурный репертуар, осуществляют торговлю друг с другом и работают вместе, полагаясь на устоявшиеся нормы и отношения, по крайней мере, на знакомство акторов друг с другом. Реципрокность является частью этих норм, но не ограничивается узкими и прямыми материальными обменами. Такие формы сотрудничества, как совместное использование транспорта и обмен информацией, или взаимопомощь продавцов на рынке, присматривающих за киосками друг друга и оказывающих поддержку в уходе за детьми, — способствуют преодолению ресурсных ограничений и создаёт ценные социальные сети. Эта система основана не на целенаправленной солидарности (хотя солидарность и развивается через практики) или альтруизме, а скорее на том, что работает в определённом контексте. Контекст Танзании предполагает защиту сельского хозяйства от международной конкуренции с помощью таможенных пошлин и других мер, а также историю государственного вмешательства, ограничивающего накопление капитала определённым кругом лиц.

Одна из значимых форм взаимопомощи проявляется в рекрутировании новых работников. Ис-

следование показало, как новички — будь то фермеры, торговцы или компании розничной торговли — включаются в работу симбиотической системы. Люди всегда создают свои собственные предприятия при содействии других — семьи, друзей и знакомых — тех, кто уже работает в том же бизнесе, показывает им возможности, способы работы и знакомят с его ключевыми участниками. С точки зрения экономической перспективы, участники бизнес-цепочек такими действиями способствуют созданию конкурентов для самих себя. Однако при этом они также формируют и будущих партнёров по бизнесу. Самюэль занялся продажей яиц после того, как другой торговец показал ему маршруты и магазины, которые он мог бы обеспечивать продукцией. Молодые торговцы рисом и кукурузой начинают с того, что путешествуют с опытными продавцами в регионы производства и знакомятся с торговцами и фермерами. Владельцы магазинов обычно начинают свою карьеру как продавцы. И это является для них формой ученичества, позволяющей учиться и откладывать деньги на свой собственный бизнес. Такие механизмы расширяют систему посредством её воспроизводства, поддерживают равноправие и позволяют новым участникам усвоить установленные нормы.

Продукты питания, производимые в Танзании и распространяемые через симбиотическую систему питания, дешевле в *duka* и народных рынках, чем в супермаркетах. Кроме того, эти торговые точки близко расположены к месту жительства покупателей, продукты продаются в любых количествах, магазины работают допоздна и предоставляют беспроцентный кредит своим постоянным клиентам. Всё это обеспечивает доступность продуктов питания для жителей. Симбиотическая продо-

вольственная система устанавливает более выгодные цены на фермерскую продукцию, чем, супермаркеты или другие корпоративные производственно-сбытовые цепочки.

> Последствия для системы продовольственного обеспечения

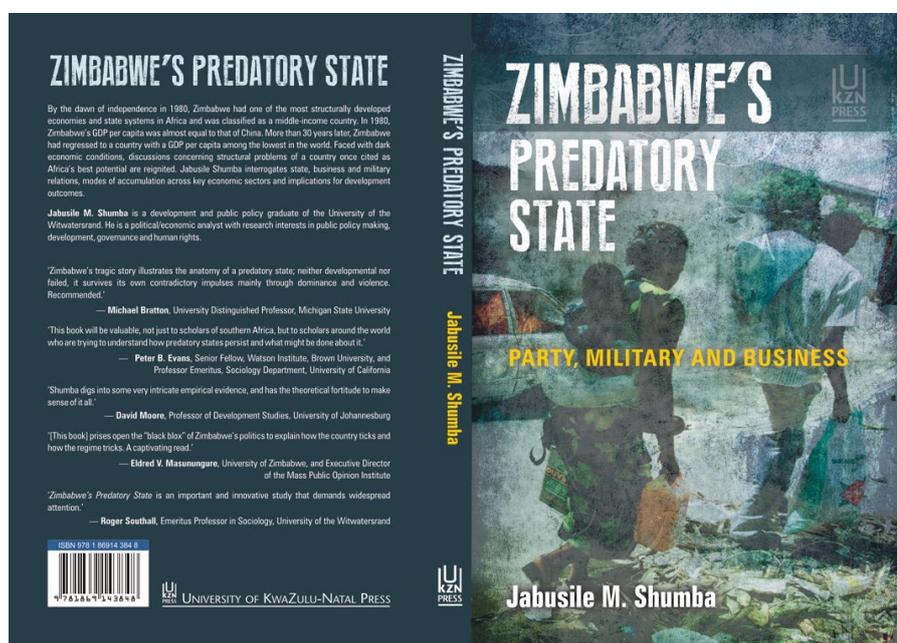
Три международных группы супермаркетов потерпели крах или ушли с рынка Танзании после 2014 года. Ряд запланированных крупномасштабных инвестиций в сельское хозяйство, включая крупные земельные сделки, также не были реализованы. К таким неудавшимся проектам относится и программа Южного коридора сельскохозяйственного роста, которая была запущена на Всемирном экономическом форуме в 2010 году такими крупными корпорациями, как Монсанто (*Monsanto*), Яра (*Yara*) и Юнилевер (*Unilever*), а также международными организациями (например, «Большой восьмёркой», Всемирным банком, Продовольственной и сельскохозяйственной организацией).

Несмотря на эти неудачи, на полках в Дар-эс-Саламе есть продукты. Производство танзанийской кукурузы и риса мелкими фермерами значительно возросло за последние пятнадцать лет, не отставая от темпов роста города, который с 2002 года увеличил свою площадь вдвое, в соответствии с ростом населения, которое увеличилось на 2,5 миллиона человек. Самюэль также увеличил свои поставки с трех до пяти раз в неделю, привозя яйца в один и тот же *duka*, а также в несколько новых. ■

Адрес для связи: Марк Вегериф
<marc.wegerif@up.ac.za>

> Хищническое государство Зимбабве: партия, военные и бизнес

Джабусиле Мадьязвимбиши Шумба, Африканский университет, Зимбабве

ное движение разочаровывает не только своих сторонников, но и большинство граждан, которыми оно сейчас управляет. Зимбабве, весьма многообещающее молодое государство, получившее независимость в 1980 году, в настоящее время ассоциируется с вопиющими проявлениями насилия, экономическими катаклизмами, нищетой и страданиями. В связи с этим возникают вопросы: почему это произошло? Как это произошло? Знала ли правящая элита, что совершаемый ею выбор приведёт к тому, что Зимбабве сойдет с пути развития?

> Хищническое государство

В книге *Zimbabwe's Predatory State: Party, Military and Business* [Хищническое государство Зимбабве: партия, армия и бизнес, 2018] я утверждаю, что зимбабвийское государство лучше всего рассматривать как хищническое, а не в каких-то иных терминах, хотя это понятие и остаётся трудно определяемым. Моя позиция отличается от понимания данного термина другими авторами, которые используют его для обозначения состояния противоположного развивающемуся государству, особого варианта криминализации или формы неопатримониализма. Действительно, большинство политэкономических концепций постколониальной Африки подчеркивает отсутствие центральной власти. Однако, как ни парадоксально, термин «хищнический» по определению обо-

В академической дискуссии о современной истории Зимбабве не сложилось единой точки зрения, в ней сосуществуют полярные взгляды. Одни авторы ставят под сомнение сами основания государства. Другие ведут дебаты о том, является Зимбабве примером неустойчивого, сильного или не желающего сотрудничать государства. Третьи утверждают, что Зимбабве относится к категории хищнических государств. 15 ноября 2017 года, когда вмешательство военных привело к свержению бывшего правителя, президента Роберта Мугабе, некоторые комментаторы охарактеризовали интервенцию военных как классический «государственный

переворот». И всё же для других людей, возможно, переживавших длительную фрустрацию и желавших во что бы то ни стало увидеть отставку президента Мугабе, цель оправдывала средства, и они предпочли осмысливать переворот как «переход при содействии военных».

Многие согласятся с тем, что Зимбабве больше не ориентируется на чаяния народных масс и сторонников проекта освободительной борьбы. Поскольку освободительная борьба завершилась поражением меньшинства сторонников колониального превосходства белой расы, историческая битва была выиграна. Однако пришедшее к власти освободитель-

значает силу, то есть подразумевает способность хищников охотиться на своих жертв, использовать силу для того, чтобы добиться подчинения. В государстве такая сила зиждется скорее на присутствии, а не на отсутствии центральной власти, посредством которой власть способна осуществлять контроль.

На основе эмпирического исследования я выдвигаю предположение, что хищническое государство является проектом правящего класса по накоплению и воспроизводству позиций, которые нацелены не на развитие страны, а характеризуются следующими параметрами. Во-первых, для хищнического государства характерно партийное и военное господство; во-вторых, отношение государства к бизнесу характеризуются доминированием и захватом; в третьих, отношения государства к обществу определяются насилием и патронажем. Необходимо прояснить различие между «авторитарным государством развивающегося общества» и хищническим государством. Как различаются государственное устройство и отношения с обществом эти двух типов? Как понять структурные вариации в объяснении различных траекторий развития этих двух типов государства?

> Хищнические государства vs авторитарные государства развивающихся обществ

Я считаю, что начало формирования авторитарного государства развивающегося общества и хищнического государства характеризуется существенными авторитарными тенденциями и значимостью личных сетей. Например, в период интенсивной индустриализации Южной Кореи Пак Чон Хи поддерживал тесные личные связи с двумя ведущими промышленными компаниями страны, «Хёндэ» (*Hyundai*) и «Дэу» (*Daewoo*). При таких обстоятельствах трудно отделить государственную цель экономического роста от мотивов частной прибыли и кланового капитализма. Тем не менее, государство всегда осуществляло команд-

ную функцию и никогда не утрачивало свой дисциплинарный потенциал. Например, когда предприятия не могли выполнить поставленные экономические цели, государство лишало их стимулирующих выплат. Принуждение со стороны государства было повсеместным и ощутимым.

Обозначенные два типа государства значительно различаются по критериям отношений государства и бизнеса и характеру связей с вооруженными силами. Для создания продуктивных альянсов с бизнесом авторитарное государство развивающегося общества двадцатого века сочетало использование дисциплинарного потенциала с экономическими стимулами. В отличие от этого отношения хищнического государства с деловыми кругами носят скорее паразитический характер, а не ориентированы на промышленный рост. Как следствие, эти два типа государства достигают противоположных результатов в стратегии развития.

У этих государств различается также характер отношений с военными. Применение вооруженных сил в государстве развивающегося общества двадцатого века было ориентировано на национальный проект, а не на личное обогащение представителей элиты. Например, классическая азиатская модель государства развивающегося общества предполагает значительный вклад вооруженных сил в контроль и подавление местного рынка в целях поддержания низких издержек производства и поддержки конкурентоспособности промышленности. В хищническом государстве, напротив, применение военного насилия отражает интересы личного накопления правящей элиты.

Промышленный способ накопления капитала в Зимбабве очевидно не развит. Это указывает на то, что хищническое государство действует как рантье, то есть оно основано на добыче ресурсов, а не на производстве. Трансформирующаяся структура зимбабвийской экономи-

ки, которая после получения независимости переживает переход от доминирования промышленного сектора к преобладанию добычи ресурсов, обусловлена сдвигом в сторону формирования хищнического государства. Важными последствиями неразвитости производственного сектора являются отсутствие производственных стратегий, характерное для всех отраслей экономики. По сути, главная цель экономических программ (таких как программы индигенизации и расширения прав и возможностей) состоит в том, чтобы направлять рентные доходы членам правящей элиты. И, наконец, такое государство нуждается в сотрудничестве с иностранными инвесторами (в данном случае, с Китаем и Южной Африкой), чтобы генерировать валютные и налоговые поступления, необходимые для поддержания основных функций правительства. Поэтому дружественным иностранным инвесторам разрешено участвовать в распределении ресурсной ренты.

Ключевой вывод исследования состоит не только в том, что правящая элита имеет классовые интересы, которые препятствуют экономическим преобразованиям и развитию. Оно показывает, что хищнические способы накопления и политического воспроизводства элиты трансформировали и поддерживали социально-экономическую ситуацию в Зимбабве. Эти процессы будут иметь далеко идущие последствия. За прошедшие годы потенциал развития страны оказался подорван хищнической элитой, которая опирается на насилие и патронаж в целях сохранения власти и аккумуляции богатства. Реформирование повлечёт за собой политические издержки, поскольку оно подрывает глубоко укоренившиеся патронажные сети. После вмешательства военных в ноябре 2017 года партийно-военный и деловой круги обновляются и, вероятно, их состав сохранится на ближайшие годы. ■

Адрес для связи:

Джабусиле Мадызвимбиши Шумба

<jabusile_shumba@biari.brown.edu>

> Йози: прекарный Город Золота

Алексия Вебстер, фотограф, **Эдвард Вебстер**, Витватерсрандский университет, ЮАР, член и бывший председатель правления ИК44 по исследованию рабочего движения

Заброшенная шахта золотодобычи на окраине Йоханнесбурга, которая вновь используется нелегальными золотоискателями. Фото: Алексия Вебстер.

Город Йоханнесбург, который жители любовно называют Йози, является крупнейшим экономическим хабом Африки уже более 125 лет. Это самый большой город в мире, который расположен не на берегу реки и не вблизи большого порта. Он построен на золоте. С самого открытия месторождения золотодобыча создавала вокруг себя мир посто-

янных инноваций, привлекая волны мигрантов из разных уголков региона и мира. Эти характеристики истории Йоханнесбурга прекрасно схвачены в сборнике эссе, написанном Сарой Наттом и Ахиллом Мбембе (*Sarah Nuttall, Achille Mbembe*). Они описывают город как место импровизаций и смешений, который развивает свой собственный бренд культуры космополитизма.

Но есть и иная сторона Йоханнесбурга, разрушительная не только для человеческой жизни, но и для всей природы. Этот город представляет пример того, что Йозеф Шумпетер назвал «творческим разрушением». Многие считают, что нерегулируемая золотодобыча на заброшенных шахтах на задворках города разрушает город золота.

Поселок, где живут шахтеры-неформалы и их дети, не заметен и скрыт от глаз посторонних. Движимые отчаянием, мигранты из других стран, как правило, нелегалы, привезли с собой семьи и ведут прекарное существование в укромных кварталах недалеко от городского центра. Фото: Алексия Вебстер.

> Происхождение золотодобычи

Золотодобыча в Йозии характеризуется чрезвычайно сензитивной структурой ценообразования. Основная задача первых золотодобытчиков заключалась не в том, чтобы обнаружить золото, а в том, чтобы его было достаточно для выгодной продажи. Доходы зависели от низких производительных расходов по двум причинам. Во-первых, это вызвано тем, что среднее содержание золота в руде является довольно низким и его надо добывать из глубины. Во-вторых, цена на золото, установленная на международ-

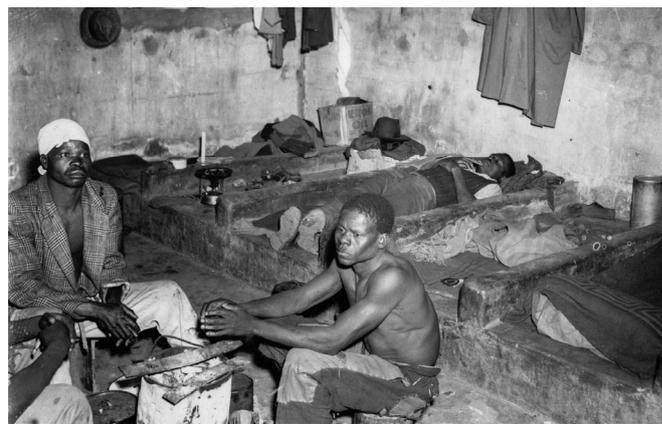
ном уровне, мешала добывающим компаниям осуществлять трансфер растущих трудовых затрат потребителям. Следствием таких жестких рамок ценообразования стало то, что оплата труда шахтеров формировалась по принципу минимизации трудозатрат. Таким образом, исторически задачей владельцев шахт было создание и поддержка дешевизны африканской рабочей силы.

Изъятие земель и насильственное налогообложение привели к тому, что мужчины, бывшие крестьяне, стали вынужденными наемными

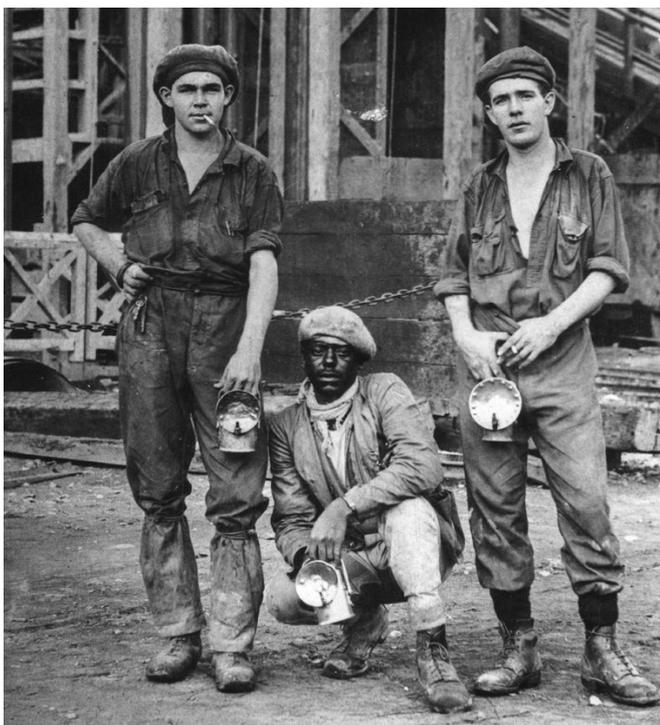
работниками. Они жили в перенаселенных мужских общежитиях. Им не разрешалось привозить с собой семьи. Функция семей заключалась в том, чтобы воспроизводить рабочую силу и заботиться о рабочих, когда они возвращаются домой, болеют, получают трудовые травмы или, состарившись, совсем уходят с работы. Именно таким трудом воспроизводства рабочей силы крестьянское население региона, в особенности женщины, вносит вклад в субсидирование владельцев шахт и позволяет им оплачивать лишь затраты на поддержание рабочего-одиночки.

Черные шахтеры работают глубоко под землей, в низких шахтах с прекарными условиями труда и безопасностью. Они готовятся к взрыву породы. Работа сказывается на их здоровье в течение многих лет, многие умирают рано и болезненно от респираторных заболеваний. Снимок неизвестного фотографа из архива южноафриканской писательницы Лули Калминикос.

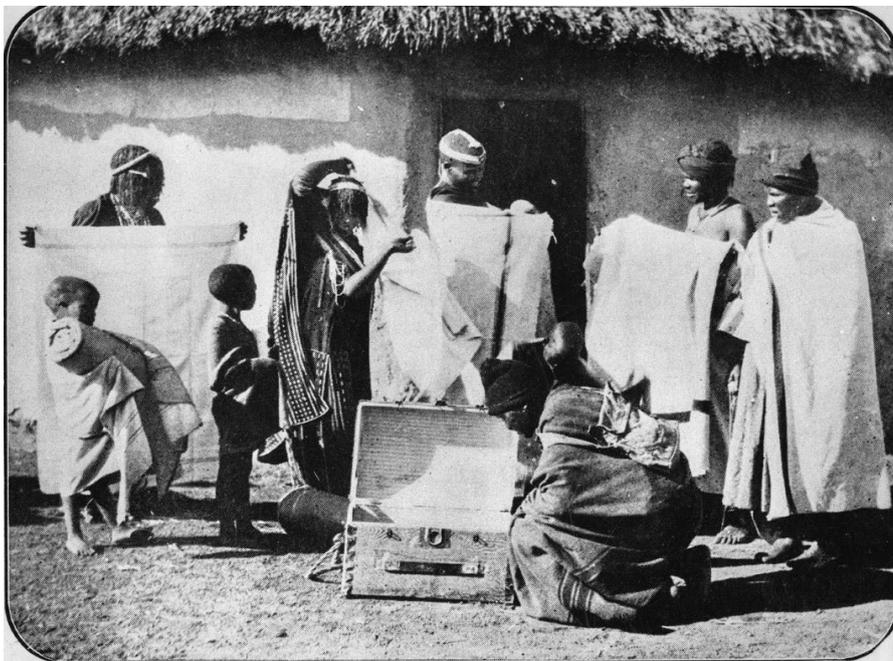
Шахтеры отдыхают на бетонных скамьях в общежитии. В одном таком общежитии может проживать до сорока мужчин, в условиях, где явно недостаточно света, тепла и пространства. Фото из архивов Музея устной истории (UWC-Robben Island Museum, Mayibuye Archives).

Два молодых белых шахтера-новичка рядом с опытным черным шахтером. Снимок сделан в 1907 году. Заработок черных шахтеров в то время составлял примерно одну десятую того, что зарабатывали белые золотодобытчики. Фотограф неизвестен. Из архива Лули Калминикос. См ее книгу «Золото и рабочие» [Gold and Workers], стр.75.

Дорога домой. После завершения годового контракта шахтеры возвращаются домой, нагруженные подарками для всей семьи. Фотография из собрания Neave Africana. Архив Музея Африки.

Возвращение домой. Мигрант возвращается домой с подарками для своей семьи. Мдудума, 1933 год. Фотография SA Review Pictorial, 1935-36.

Женщины с детьми за спиной измельчают руду на вновь открытых шахтах. Фото: Алексия Вебстер.

В руках шахтера молоток, который он использует для добычи руды из горной породы. Фото: Алексия Вебстер.

Чтобы продолжить добычу золота, шахтеры все больше углублялись в толщу земли. Высокий травматизм золотодобычи связан с чрезвычайной глубиной залегания добываемого золота. Средняя глубина шахты достигает 1600 метров; самая глубокая шахта достигает 4000 метров в глубину. Основные причины травматизма — взрывные работы и обрушения породы. В 1983 году, когда мы начали свое исследование, от обрушения породы погиб 371 шахтер. В период с 1900 по 1985 год под землей погибло 66000 шахтеров и более миллиона работников получили серьезные травмы. Многие стали инвалидами в результате полученных травм, и проводили оставшуюся жизнь в инвалидных креслах или в госпиталях.

Золото — это «истощимый ресурс». С течением времени золотая жила под Йоханнесбургом иссякла. К этому времени население города выросло по экспоненте, а вторичная экономика, связанная с золотодобычей, превратила его в крупнейший финансовый узел региона. Шахты прекратили производство, и рабочие покинули места золотодобычи.

Как показывает в своей докторской диссертации Джанет Мунакамве, до сих пор недалеко от городского центра можно встретить мигрантов, приехавших из заграницы, пытающихся нелегальными заработками в сфере золотодобычи обеспечить себе существование. Их называют зама-зама (*zama zamas*). Каждое утро, вооружившись примитивными орудиями, используя веревки и минифонарики своих мобильных телефонов, они спускаются в шахты. Они работают простыми молотками, лопатами и кирками, чтобы разбить скалу и собрать руду.

«Зама-зама» переливает шугу в ведро.
Фото: Алексия Вебстер.

Женщина, работающая на шахте, сметает остатки руды.
Фото: Алексия Вебстер.

Женщины совмещают измельчение руды с кормлением детей и причесыванием.
Фото: Алексия Вебстер.

Ангела Кариуки пишет: «Это очень рискованное предприятие. Вполне возможно, что под землей у вас закончится продовольствие, особенно если вы остаетесь в шахте в течение нескольких недель или даже месяцев. Шахтеры рассказывают о нехватке воздуха и отсутствии вентиляции, которая уже давно не работает на этих старых шахтах. Некоторые страдают от удушья, и это происходит особенно часто, когда шахтеры зажигают костры, чтобы согреться, спасаясь от подземного холода или стараясь размягчить породу. Шахтеры также рассказывают о постоянном кашле, легочных заболеваниях, физических травмах, вызванных внезапным обрушением породы, затоплением шахты или отсутствием специальной обуви, необходимой для обеспечения безопасности труда под землей».

Результатом многочасового труда является маленький слиток золота.
Фото: Алексия Вебстер.

Столкнувшись с безразличием официального профсоюзного движения, эти шахтеры стали самоорганизовываться, образуя социальные сети, поддержанные социальными медиа. Очень в редких случаях эти работники теневой золотодобычи вступают в профсоюзы, однако возникают новые формы репрезентации и участия, такие как советы рабочих, погребальные общества, ассоциации, борющиеся за права мигрантов.

В отличие от старой официальной системы организации шахтерского труда, в теневой золотодобыче заняты женщины, мужчины и все трудоспособные члены их семей.
Фото: Алексия Вебстер.

Нелегальная золотодобыча драматически изменилась, после того, как мэр Йоханнесбурга Херман Машаба объявил, что город столкнулся с надвигающейся катастрофой (*Sunday Times*, 25 ноября 2018). Он объявил, что нелегальные шахтеры довели город до беспрецедентного состояния, потому что зама-зама ведут нелегальные взрывные работы на расстоянии нескольких метров от легко воспламеняющихся газопровода и нефтепроводов, пролегающих под Йоханнесбургом. Если трубопроводы будут повреждены, утверждал мэр, все в радиусе трехсот метров будет «сожжено все дотла». Официальный представитель городского совета сообщил газете *Sunday Times*: из-за того, что нелегальные шахтеры роют шахты и взрывают породу, работая в старых и новых

туннелях, составляющих подземный лабиринт под городом длиной в 140 км, ключевые территории города находятся под угрозой разрушения.

Таким образом, город, построенный на спинах шахтеров, сталкивается с угрозой разрушения, благодаря действиям отчаявшихся мужчин и женщин, борющихся за существование и ставших нелегальными шахтерами заброшенных золотых приисков Йози. Некоторые комментаторы подчеркивают антрепренерский рыночный дух этих людей. Однако, как много десятилетий назад показал Карл Поланьи, нерегулируемый рынок не может «существовать сколь-нибудь длительное время без того, чтобы не уничтожить человеческую и естественную субстанции общества».

Шахтеры стали формировать сети для защиты своих прекарных сообществ. Мы не думаем, что эти инициативы могут породить контрдвижение, которое предвидел Поланьи. Однако их появление свидетельствует о том, что Майкл Буравой и Карл фон Холдт в своих «Беседах с Бурдьё» [*Conversations with Bourdieu*] назвали «этапным моментом Йоханнесбурга». Речь идет об особом постапартейдном этапе социальной жизни, о времени политического разрыва. Это также этап жесткого противостояния, социальной фрагментации и «глубокой дезорганизации общества». ■

Адреса для связи:

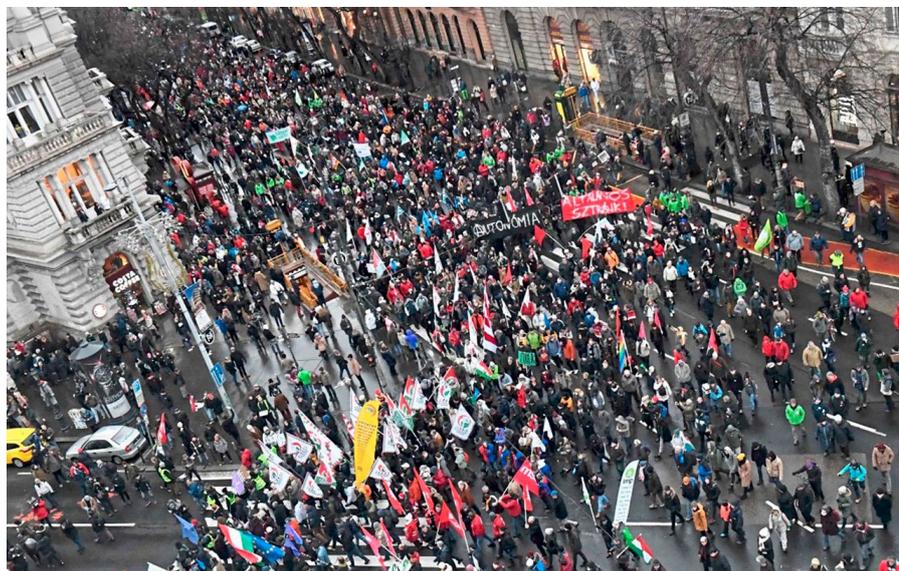
Алексия Вебстер <alexiawebster@gmail.com>

Эдвард Вебстер <edward.webster@wits.ac.za>

> Правый популизм

и идея солидарности

Йорг Флеккер, Венский университет, Австрия, член Исследовательского комитета МСА по социологии труда (ИК30), **Карина Альтрайтер**, **Иштван Грайчъяр**, **Заския Шиндлер**, Венский университет, Австрия

Демонстрация против нового трудового законодательства в Будапеште (Венгрия), январь 2019.

Фото: Атила Кисбенедек/AFP/Getty Images.

Крайне правым партиям в Европе выгодны как ускоряющиеся социально-экономические трансформации, следующие за финансовым и экономическим кризисом 2008 года, так и снижение доверия к государственным институтам. С начала века многие правые партии включили социальные проблемы в свои политические программы. Поскольку центральной проблемой их повестки всегда являлась миграция, они смогли успешно использовать прибытие большого числа беженцев в 2015 году как повод для того, чтобы вызвать недовольство и враждебность к мигрантам со стороны населения. Таким образом, социальный шовинизм, апеллирует как к риторике, близкой государству всеобщего благосостояния, так и к более агрессивной ксенофобской позиции. При этом борясь за электорат, крайне правые развивают концепцию солидарности, больше не оставляя её политическим левым. Так, например, премьер-министр Венгрии Виктор Орбан представляет закрытие границ Венгрии для беженцев как акт европейской солидарности.

В исследовательском проекте «Солидарность во время кризиса» (*Solidarity in Times of Crisis*, далее SOCRIS)¹

идея символической борьбы за понимание солидарности является отправной точкой. Под символической борьбой мы подразумеваем полемику, в которой одни (коллективные) акторы пытаются навязать своё видение социального мира другим. Символическая борьба разворачивается по поводу того, что мы считаем правильным или неправильным, хорошим или плохим, ценным или бесполезным. Символическая борьба разворачивается также по поводу «символических границ», которые разделяют людей на группы и вызывают ощущение сходства и чувство принадлежности. Проект ориентирован на Австрию и Венгрию — страны, по-разному затронутые экономическим кризисом, но демонстрирующие сходное развитие политической ситуации. Применение методологической триангуляции количественных и качественных данных в проекте SOCRIS обеспечивает более глубокое понимание сложных взаимосвязей между социальными изменениями и политической субъективностью.

При анализе концепций солидарности и символической борьбы, мы приняли во внимание следующие параметры: размеры или границы воображаемого сообщества солидарности; основания солидарности; и солидарные

>>

Демонстрация против расизма в Вене (Австрия), март 2019.
Фото: Йорг Флеккер.

действия (например, представителей гражданского общества). Опрос, проведенный в период с июля по сентябрь 2017 года в Австрии и Венгрии, был основан на репрезентативных выборках лиц трудоспособного возраста. Анализ данных позволил ответить на вопросы о том, с кем люди выражают солидарность, когда и почему они считают себя ответственными за помощь другим, и выступают ли они за социальную поддержку государства другим категориям граждан.

Одна из важных задач исследования заключалась в том, чтобы выявить какие типы представлений о солидарности существуют в странах, где позиции правительства значительно расходятся, например, в политике отношения к беженцам, социальной поддержке на основе проверки нуждаемости или государственной поддержке этнического меньшинства рома. По результатам статистического кластерного анализа данных в каждой стране было выделено семь групп, для каждой из которых было характерно собственное представление о солидарности. Удивительно, что в Венгрии и Австрии существуют группы, которые демонстрируют сходные представления о солидарности. Например, для представителей «несолидарной и неактивной» группы характерны ориентации на слабую поддержку государства всеобщего благосостояния, ограничение солидарности кругом семьи и соседей, а также неучастие в организациях гражданского общества. На другом полюсе континуума солидарности в обеих странах мы находим группу, которую мы назвали «солидарной и активной». Она состоит из людей, исповедующих модель солидарности, для которой свойственна сильная поддержка социального государства и высокий уровень активности в организациях гражданского общества. Однако масштабы солидарности в этой группе различаются между странами: в то время как в Австрии люди готовы проявить заботу обо всем человечестве, в Венгрии — только о своей нации.

Тем не менее, большая часть населения может быть расположена между обозначенными полюсами солидарности. Можно выделить несколько групп, демонстрирующих различные сочетания оснований и масштабов солидарности, а также уровней активности. Некоторые модели представлений о солидарности обнаруживаются только в одной из стран; однако наиболее очевидное различие между странами связано с размером групп. Если сравнить группы или типы солидарности по характеристикам исключения и инклюзивности, то есть на основе того, выступают люди за этническую и национальную закрытость или демонстрируют ориентацию на универсальную солидарность, мы уви-

дим существенные различия. В Австрии 62% респондентов разделяют некоторую форму инклюзивной солидарности, тогда как в Венгрии эта цифра составляет 39%. В свою очередь, около 40% венгров демонстрируют солидарность, ограниченную критерием этничности или национальной принадлежности, тогда как в Австрии такое понимание солидарности характерно лишь для 27% респондентов.

Поскольку в обеих странах активно проявляют себя политические партии с ксенофобскими и социально шовинистическими позициями, нам также было интересно посмотреть, соответствуют ли выделенные модели солидарности партийным предпочтениям. Как и ожидалось, наиболее сильную поддержку экстремистских и популистских правых партий можно найти среди несолидарных и националистически ориентированных групп населения в обеих странах. Однако мы также видим, что сторонниками этих партий является значительная доля людей, придерживающихся инклюзивного понимания солидарности (20% в Венгрии и около 15% в Австрии). Это означает, что некоторые отдадут голоса националистическим правым партиям не из-за их ксенофобской и социально-шовинистической позиции, а по каким-то другим причинам. Полученные данные также должны предостеречь нас от предположения, что крайне правые просто представляют настроения, существующие у населения, поскольку мотивации поддержки партий могут быть иными.

В противоположность преобладающим в современной дискуссии о правом популизме взглядам, результаты проекта SOCRIS демонстрируют, что успех крайне правых партий на выборах не объясняется тем, что их поддерживает какая-либо одна конкретная социальная группа, например, депривированные промышленные рабочие. Хотя низкий статус, лишения и чувство политической беспомощности действительно являются важными факторами, влияющими на поддержку, удивительно, что значительная часть сторонников австрийских и венгерских ультраправых партий финансово благополучны, чувствуют собственную ценность и извлекают выгоду из недавних социально-экономических трансформаций.

Таким образом, концепция солидарности помогает осмыслить раскол в обществе и поддержку крайне правых. Существует определенное соответствие между моделью солидарности и партийными предпочтениями. Тем не менее, несмотря на значимость фактора социального шовинизма, мы не можем приписать успех этих партий только логике «исключающей солидарности». Например, вопреки своей риторике, крайне правые партии не поддерживают идею государства всеобщего благосостояния даже для своих граждан. Более того, модели солидарности часто сложны, а возникающие в результате этого двусмысленности и противоречия обеспечивают определенную открытость для политической мобилизации с разных сторон. ■

¹ Проект финансируется Австрийским научным фондом (Austrian Science Fund, FWF, № I 2698-G27) и Венгерским фондом научных исследований (Hungarian Scientific Research Fund, OTKA, № ANN 120360).

Адрес для связи: Йорг Флеккер <joerg.flecker@univie.ac.at>